

ПРЕДЫСТОРИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА

В.Я. ПЕТРУХИН

Образ скандинавского эпического героя Сигурда был популярен в искусстве Северной и Восточной Европы. Его отличают изображения чудо-меча и кольца в руке

Серебряная маска скандинавского стиля – часть одного из крупнейших кладов эпохи викингов, обнаруженного в Гнёздове

Пятилучевая славянская серьга с византийским мотивом птицы на щитке. Из последних раскопок в древлянском городе Искоростене

«Пляшущие» человечки из Мартыновского клада, воспроизводящие позу всадников, характерны для антропоморфных амулетов эпохи Великого переселения народов

ДОХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ: ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ IV–X ВЕКА

Сложению Древнерусского государства, его христианизации, формированию художественной культуры в X–XI вв. предшествовал период, связанный, в первую очередь, с постепенным освоением славянскими племенами на протяжении VI–X вв. обширных территорий Восточной Европы, включающих земли от Дуная до Поволжья и Верхнего Поволжья.

В этот период культурные традиции славянских племен взаимодействовали с традициями тюркоязычных и ираноязычных жителей степной и лесостепной полосы, с одной стороны, и позднеантичными традициями Причерноморья и Подунавья, с другой. Такое взаимодействие отмечено уже первыми исследователями (Н.П. Кондаковым, И.И. Толстым, А.С. Гущиным), чьи работы были ориентированы, прежде всего, на каталогизацию археологических находок; «автохтонные» истоки восточнославянских ремесленных традиций стремился проследить в своих работах Б.А. Рыбаков. Важным этапом в систематизации накопленных материалов в середине XX в. стали работы Г.Ф. Корзухиной. Современные исследования направлены на детальную разработку проблем хронологии, технологии и типологии массового археологического материала [1].

Дославянский (балто-славянский) период

Согласно одной из наиболее распространенных концепций этногенеза, в середине I тыс. н.э. славяне выделились из балто-славянской общности, существовавшей в раннем железном веке на территории между бассейнами Вислы и Верхнего Днепра. Особое значение для этногенеза славян и формирования их культуры имела миграция германцев-готов в III в. н.э. через бассейн Вислы к Северному Причерноморью и Подунавью. Традиции этих народов Восточной Европы подвергались сильному воздействию кельтской (латенской) культуры в доримский период (последние века до н.э.) и провинциально-римской культуры в римский период (первые века н.э.), поэтому целесообразно кратко охарактеризовать наиболее существенные особенности культуры и традиции искусства восточно-европейских племен римского времени. К племенам, оказавшим непосредственное воздействие на формирование и становление художественных традиций славян и других народов Восточной Европы, относятся в первую очередь те, с которыми исследователи связывают памятники зарубинецкой, пшеворской и черняховской культур [2].

Зарубинецкая культура, балто-славянская в основе, распространенная во II в. до н.э. — II в. н.э. в бассейнах Верхнего и Среднего Днепра, Припяти и Десны, относится (как и пшеворская, и черняховская) к широкой категории

так называемых культур «полей погребений» римского времени. Такого рода погребения не отмечались на поверхности специальными памятниками (курганами и т.п.), умерших сжигали, их кости помещали в керамическую урну в ямку на «полях погребений» (возле некоторых погребений были открыты следы столбовых ям, которые могли остаться от памятных знаков, отмечавших место погребения).

Развитие гончарного, кузнечного дела и производства украшений из цветных металлов, позволяет судить о художественной культуре. Керамика в основном лепная — горшки, миски, кружки, сковороды и корчаги для хранения продуктов; тщательной выделкой отличается столовая лощеная керамика, которая подправлялась на ручном гончарном круге; керамика обжигалась на костре. Горшки и другие сосуды иногда имели ребристое тулово. Орнаментация — резные прямые и волнистые линии, пальцевые вдавления по венчику, налепные валики, шишечки и т.п. Многочисленны находки привозной античной керамики — амфор, столовой посуды (миски, кувшины). К уникальным произведениям гончарного искусства зарубинецкой культуры относится лощеная ваза из Субботова, подражание греческим эллинистическим вазам (корпус украшен 36 каннелюрами).

Основная часть найденных археологами изделий кузнечного ремесла — ножи, слабо изогнутые серпы и другие — предназначалась для сугубо хозяйственных нужд. Предметы личного убора представлены по преимуществу фибулами и булавками из бронзовой, реже железной проволоки. В Европе были широко распространены фибулы средне- и позднелатенских типов, обычные для костюма кельтского населения римской периферии. Для собственно зарубинецкой культуры характерны застёжки, концы ножки (замка) которых раскованы в виде треугольной пластинки. Щитки фибул часто украшались поперечными бороздками, косыми насечками по краю и т.п. Литые бронзовые фибулы относятся к провинциально-римским типам. Использовались также бронзовые и железные булавки с головкой в виде гвоздя, кольца или спирали, дровяные или провололочные браслеты, иногда многовитковые. Бронзовые спиральки и трапециевидные бронзовые привески-пластинки включались в состав ожерелий с привозными бусинами.

Мастера-ювелиры работали в своих жилищах, используя привозную бронзу, которую плавил в тиглях на огне домашнего очага.

[1] См. историографию и полную сводку литературы в одной из последних монографий: *Рябцева*, 2005. С. 5–14.

[2] Общую систематическую характеристику этих культур см.: *Славяне и их соседи*, 1993; образцы декоративно-прикладного искусства см. в каталоге: *Эпоха Мерovingов*, 2007.

1 Поясная бляшка в виде фигурки птицы. Бронза, литье. Городище Зимно на р. Луга. Волынь. Украина

1

При изготовлении изделий применялись разные способы холодной обработки металла —ковка, протяжка проволоки, чеканка и т.п.

Считается, что сложение зарубинецкой культуры происходило в результате взаимодействия разных этнических и культурных компонентов с началом Великого переселения народов. Инвентарь обнаруживает воздействие римских, кельтских, германских, скифо-сарматских и даже дако-иллирийских культурных традиций. Их взаимодействие стало определять характер древностей славянского и шире — балто-славянского круга.

Продолжение миграций различных этнических групп, в частности передвижения готов на севере и сарматов на юге, повлекло за собой распад зарубинецкой культуры в I в. н.э. Ее воздействие обнаруживается на обширных территориях — от Верхнего Поднепровья и Подесенья до бассейна Оки, а возможно, и до Средней Волги. Изменения дают о себе знать, в первую очередь, в трансформации структуры поселений — теперь поселки чаще располагаются не на возвышенных берегах, а в поймах. Наблюдаются изменения и в формах, и технологии изготовления керамики — получают распространение грубые лепные горшки, и в развитии железоделательного ремесла, свидетельством чему является наличие сырдутных горнов на поселениях Среднего Поднепровья.

В первые века нашей эры влияние на традиции зарубинецкой культуры оказывала пшеворская культура Повисленья, одной из характерных особенностей которой и было развитое железоделательное производство.

На городищах и селищах этой культуры строились крупные наземные жилища (свыше 30 кв. м) с очагами в центре (известны и глинобитные печи), но преобладали все же полужемлянки площадью около 20 кв. м. Погребальный обряд пшеворских полей погребений характеризует многочисленный инвентарь, в том числе предметы вооружения и шпоры (влияние обычаев кельтов и германцев). Однако на востоке ареала пшеворской культуры на рубеже II и III вв. из польского Поморья начинают распространяться традиции еще одной культуры — вельбарской (вельбарской), приписываемой собственно готам. Одна из важнейших ее характеристик — безурновые погребения без оружия.

Носители пшеворской культуры (возможно, под давлением готов) со второй половины I в. н.э. начинают продвижение на юго-восток, в Полесье, где возникает новая культурная общность — волыно-подольская, синтезирующая черты пшеворской и зарубинецкой культур.

Исследователи отмечают полиэтнический характер пшеворской культуры, учитываются ее германские (лугии), кельтские и даже предполагаемые славянские компоненты. К характерным германским обычаям относит-

ся порча предметов вооружения, помещаемых в погребение, а также втыкание их в землю с целью оберега от умершего. Лепная посуда — горшки, миски, кружки, кубки — сохраняет связь с позднелатенской (I в. до н.э. — I в. н.э.) традицией. В погребения помещалась парадная посуда черного или светло-коричневого лощения. Наряду с ней местные мастера производили слабопрофилированные лепные горшки тюльпановидной формы, распространена гончарная керамика (амфоры, краснолаковая посуда), типичная для провинциальных центров Римской империи.

Из украшений характерны широко использовавшиеся в Европе фибулы позднелатенских типов, а также арбалетовидные фибулы. Появляются поясные украшения — пряжки, крючки, оковки и т.п., которые, как правило, указывают на высокое социальное положение их владельцев. К уникальным предметам искусства малых форм относится бронзовая ажурная оковка ножен меча из могильника Гринев в верховьях Днестра с чеканными фигурными изображениями [ил. 2]: в пяти прямоугольных рамках помещены сцены терзания зверем змеи, грифон, целующиеся мужская и женская фигурки — мотив священного брака (см. об этом мотиве ниже), животное среди символических растений, вооруженный всадник. Точных аналогий этому изделию нет, хотя хорошо известны параллели в кельтском, германском и провинциальном римском искусстве [3]. О значении собственно кельтского компонента говорят памятники декоративно-прикладного искусства и монеты, обнаруженные в нескольких кладках в Закарпатье (в том числе чеканные пластины с изображением человеческих масок и оленей, бронзовая литая маска, найденная возле с. Пески [4]. Параллели в кельтском искусстве имеет бронзовая фигурка «идола», отлитая в односторонней форме: поза (подогнутые ноги, рука, согнутая в локте), обнаруженная на поселении Лукашевка в Приднестровье. При этом в Приднестровье и Закарпатье господствовали, как считается, гето-дакийские племена, также влиявшие на этнокультурные процессы в Восточной Европе.

Крупнейшей этнокультурной общностью Восточной Европы, занимавшей в III–IV вв. н.э. пространства от левобережья Среднего Днестра до Причерноморья и нижнего Подунавья, была черняховская культура [5]. Эта общность складывалась в результате взаимодействия зарубинецкой, пшеворской, скифо-сарматских культур ираноязычного населения Северного Причерноморья и других компонентов. В основе ее были пшеворские и вельбарские (германские, гето-гепидские) компоненты, а южнее, в Днестровско-Прутском междуречье и Нижнем Подунавье, значительным было влияние сарматских и гето-дакийских элементов. Соответственно в погребальном обряде черняховской культуры традиции «полей

[3] Kozak, 1982.

[4] Мачинский, 1973.

[5] См. одну из последних работ о черняховской культуре в связи с готской проблемой в общеевропейском культурном контексте: Шуклин, 2005.

2

погребений» (кремации) сочетались с сарматскими традициями труположений в могильных ямах.

Имелись и мастерские ремесленников. Так, возле с. Собарь было обнаружено каменное строение, рядом с которым находилась углубленная в землю постройка, где занимались стеклоделением (возможно, комплекс имел римское происхождение).

Некоторые некрополи черняховской культуры имели рядную планировку погребений; известны также культовые ямы со следами тризн (битая посуда), кремационные печи. Особое место на некрополях занимают могилы знати — погребальные камеры (около 2 × 3 м) с богатым инвентарем, в том числе привозные амфоры и римские стеклянные кубки.

В большей мере, чем у их предшественников и соседей, у черняховцев было развито гончарное ремесло. Повсеместное распространение получила посуда, сделанная на гончарном круге (хотя сохраняется и лепная керамика), обнаружены гончарные мастерские (поселение Журавка) и двухъярусные печи для обжига посуды (анalogии известны у кельтов). Формы круговой керамики часто воспроизводят традиционные формы лепной, а лепная посуда повторяет гончарные формы: это горшки с округлым туловом, корчаги, пифособразные сосуды (высотой до 1 м), миски, кувшины, кружки, кубки и др. Орнаментальные мотивы, их украшающие, достаточно просты. Это горизонтальные линии или налпные валики, штампованные узоры и др.

Особые формы имеет гончарная столовая посуда, лощеная (или с пролощенными орнаментальными зонами), серая или черная (цвет достигался копчением при обжиге). Большие сосуды с тремя ручками, возможно, подражали античным кратерам для смешения вина (?). Две такие вазы были найдены в основании предполагаемого очага-жертвенника на поселении Лепесовка на Воляни, одном из крупнейших в ареале черняховской культуры. При устройстве погребений в эти вазы клали орнаментированные кубки ритуального назначения. Кувшины, как вытянутых, так и приземистых форм, с небольшим округлым или биконическим туловом богато орнаментированы при помощи штампа или зубчатого колесика. Б.А. Рыбаков, обративший внимание на то, что орнаментальная зона на кувшинах из Ромашек и Малаешт делится на 12 сегментов, высказал предположение о существовании у праславян (?) представлений о 12-месячном годовом цикле и о связи указанной орнаментации с ним и с календарными культами [6]. Сюжетные изображения на сосудах исключительно редки, известны примитивные изображения коня и вола, запряженных в плуги (Черепин, Ромашки) [7].

Богато орнаментировались разнообразными штампами (розетки, концентрические кружки и др.) полусферические кубки. Не-

2 Ажурная оковка ножен меча с чеканными изображениями. Бронза. Могильник Гринев. Верховья Днепра
3 Пряжки и колчаный крюк. Медный сплав, литье. Вторая половина VII — начало VIII в. Левобережье Среднего Днепра

[6] Ср.: Шукин, 2005. С. 168–169. Венчики сосудов из Лепесовки также поделены один на 12, другой на 9 орнаментальных сегментов.

[7] Славяне и их соседи, 1993. С. 143.

3

большое донце одного из таких сосудов, украшенное орнаментом, позволяет предположить, что их хранили в перевернутом виде, демонстрируя орнамент.

Для костюма черняховцев характерны так называемые подвязные парные фибулы, видимо, скреплявшие плащ или бретели юбки (германская традиция), в основном из бронзы, реже — железные или серебряные. Они имеют по преимуществу арбалетовидную форму с изогнутым фасетированным корпусом (архаичная форма, известная в раннем железном веке). Как правило, из серебра изготавливались более массивные двупластинчатые фибулы — два плоских щитка соединены изогнутой дужкой. Эти формы повторяют типы застежек, производившихся в провинциально-римских мастерских на Дунае. Для мужского костюма характерны также пояса с железными или бронзовыми пряжками.

Ожерелья, одна из важнейших частей убора, состояли из разнообразных бус из стекла и пасты, глины, мергеля, бронзы. Они включали также амулеты-подвески в виде зубов и клыков животных, морских раковин, костяные пирамидальные подвески — так называемые палицы Геракла, миниатюрные емкости для благовоний. Помимо этого, известны серьги и височные кольца; браслеты из массивного бронзового прута с утолщенными концами; шейные гривны из круглой в сечении бронзовой проволоки, лунницы и пластинчатые привески других форм из бронзы и серебра. Многочисленны находки односторонних роговых гребней с полукруглыми и треугольными спинками, иногда орнаментированными (редко встречается зооморфный орнамент).

Оружие черняховской культуры, схожее с находками в погребениях пшеворской куль-

туры, воспроизводит центральноевропейские формы.

В целом черняховская культура характерна, видимо, для периферии Готской державы в Северном Причерноморье. Обряд кремации, подвязные и двупластинчатые фибулы провинциально-римских дунайских образцов типичны и для древностей крымских готов. Славянские древности в материалах черняховской культуры достоверно не выделяются: неясно, насколько следует доверять рассказу готского историка Иордана о власти готов над славянами (антами), ибо он составлял свое повествование в VI в., когда анты уже расселились в Приднестровье.

Синхронно с черняховской в Среднем Поднепровье (междуречье Днепра и Десны) существовала так называемая киевская культура, близкая по основным признакам зарубинецкой. Ее небольшие поселения — селища — расположены, как правило, на всхолмлениях пойменных террас. Их образуют несколько квадратных полуземлянок (10–17 кв. м) со стенами столбовой конструкции и открытым очагом в центре. Крышу жилищ поддерживал центральный столб, обмазанный глиной, которая предохраняла его от огня очага. В керамическом производстве преобладала лепная посуда, подправленная на ручном гончарном круге: распространены были простые формы — кухонные горшки и корчаги, реже миниатюрные горшки и столовая посуда (миски и др.). Наряду с тюльпановидными сосудами с широкой горловиной имелись биконические формы с ребром в середине тулова. На позднем этапе распространяется привозная черняховская столовая посуда, встречается и античная керамика.

Предметы личного убора, украшения близки общеевропейским позднеимским типам. Характерны железные, реже бронзовые, булавы с петлевидной головкой, известны пластинчатые бронзовые лунницы (подвески конской сбруи?), браслеты, арбалетовидные фибулы и др.

Для киевской культуры характерны украшения с выемчатой эмалью [8]: бронзовые литые украшения разнообразных геометрических очертаний со сквозными прорезями и специально предусмотренными гнездами для эмали. В основе их орнаментации лежат геометрические мотивы (из них основные — круг, полукруг, треугольник, ромб, квадрат, крест и различные их сочетания). Изделия часто декорируются валиками, полочками, фасетками, «ребрышками», «гребешками» и т.п. Эмаль, как правило, бывает красной, реже — других цветов. В одном гнезде обычно помещается вставка одного цвета, хотя существуют и исключения. Находки вещей с эмалью известны на огромной территории от Прибалтики до Прикамья и Причерноморья и увязываются с традициями балтских племен, широко

[8] Известно свыше 200 предметов с эмалью. Как правило, они обнаружены случайно или входили в состав кладов (см.: Корзухина, 1978).

4

5

6

- 4 Подвеска. Бронза, выемчатая эмаль. Среднее Поднепровье (Мощинский клад)
5 Ожерелье. Бронза, выемчатая эмаль. Среднее Поднепровье
6 Фибула. Бронза, выемчатая эмаль. Окрестности Смоленска

расселившихся в Восточной Европе в дославянский период.

В комплексах (кладах) литые украшения сочетаются с пластинчатыми изделиями из бронзы, с чеканной орнаментацией. Для этого периода характерны фибулы, разнообразные лунницы, кресто-ромбические подвески, ожерелья и др. [ил. 4–6].

Великое переселение народов, вызванное гуннским вторжением в конце IV в., привело к затуханию традиций римского времени, в том числе и производства эмалей, связанных с навыками римского стеклоделия. В гуннскую эпоху складывается варварский «стиль полихромных изделий» — украшений с многочисленными цветными вставками из драгоценных и полудрагоценных камней, стекла или со сплошной перегородчатой инкрустацией, филигранью. Сформировавшийся в позднеантичных мастерских Боспора и продолжающий сарматские традиции, этот стиль практически не оказал влияния на развитие декоративно-прикладного искусства лесостепи и лесной полосы. В гунн-

скую эпоху господствовал геометрический орнамент, пережитки звериного стиля скифо-сарматской эпохи были редкими.

Праславянский период

Период славянского (праславянского) единства характеризуется расселением в VI–X вв. славян в Центральной и Восточной Европе. Основой для развития праславянской и раннесредневековых древнеславянских культур в Центральной и Восточной Европе стала так называемая пражская культура (культура «Прага-Корчак») VI–VII вв., известная по материалам археологических исследований. Распространившаяся от территории Чехии до Среднего Поднепровья, эта культура сохранила некоторые черты позднеимперского времени, в том числе относительно слабо развитые традиции изобразительного искусства [9].

Для керамики пражской культуры характерны горшки тюльпановидной формы (реже

[9] Систематическую характеристику праславянской и славянских «племенных» культур см. в работах И.П. Русановой и В.В. Седова, в том числе: Русанова, 1976; Седов В., 1982; Седов В., 2002.

7 Пальчатая фибула. Лицевая и оборотные стороны. Бронза. Винницкая обл. Украина

8 Пальчатая фибула. Серебро, золочение. Клад из с. Мартыновка. Среднее Поднепровье. VI–VII вв.

находятся биконические тулова), а также корчаги и сковороды (миски встречаются редко). Технология работы на гончарном круге была утеряна, ее традиции прослеживаются лишь в Среднем Подунавье (на поселениях пражской культуры находят сероглиняную гончарную керамику черняховского происхождения), не сохранилось и лощение. Орнамент используется редко, обычно это прямые или волнистые линии, косые насечки по краю венчиков.

В погребальном обряде праславяне продолжали кремировать умерших, но иногда насыпали над останками, помещенными в урну или ямку, полусферические курганы (около 0,5 м высотой, окруженные кольцевым ровиком).

В Зимно (на р. Луга, Вольтынь) обнаружены кузнечные инструменты, а также тигли, льячки и формы для литья бронзовых изделий. Там же найдены бронзовые и серебряные поясные пряжки, бляшки для украшения пояса разнообразных геометрических («геральдических») форм, в том числе прорезные, в виде фигурки птицы [ил. 1], бронзовые и серебряные браслеты с утолщенными концами, колоколовидные и трапециевидные привески.

Комплекс личного убора в целом сохранял традиции позднеимперского времени — были распространены фибулы дунайско-византийских типов; на позднем этапе распространяются так называемые пальчатые фибулы (конструкция которых восходит к более ранним двупластинчатым), их щиток имеет пять симметричных лучей-отростков («пальцев»), форма которых также имеет истоки в традициях провинциальных византийских и боспорских

мастерских. Фибулы этих типов обычно приписывались готам [10] (богато орнаментированные пальчатые фибулы действительно характерны для готских памятников Боспора, где они производились), но производство пальчатых фибул известно и в славянском ареале [ил. 7, 8]. В германском комплексе одежды эти фибулы были парными, для славян характерно ношение одной застежки. К собственно славянской традиции относят формирование убора с височными кольцами. Именно в период пражской культуры возникает форма проволоочных колец с S-образным завитком: эта форма остается характерной для славян вплоть до раннего Средневековья. К византийским образцам восходит производство изделий, украшенных зернью, — «звездчатых» серег, серег в форме полумесяца и др. Пережитки звериного стиля и антропоморфные мотивы в искусстве пражской культуры редки, представления о них дают конек на бронзовой пряжке ремня из поселения Самчинцы, фигурка льва в прыжке из поселения Скибинцы, Украина [ил. 9] и др. Распространены были литые металлические украшения ремней более простых форм [ил. 3].

Значительно большим разнообразием отличается инвентарь пеньковской культуры, бытовавшей в VI–VII вв. в междуречье Днепра и Днестра, что связано с взаимодействием ее традиций не только с традициями провинциально-римскими и византийскими, но и с искусством степняков — ираноязычных аланов (потомков сарматов) и тюрков (болгар). Пеньковская культура традиционно приписывается юго-восточной группировке праславянских

[10] Эпоха Мерovingов, 2007. С. 73–74, 284–325.

племен — антов (само их имя, данное этой группировке соседними тюрками или иранцами, означает, по-видимому, «союзники»). Еще А.А. Спицын условно назвал комплексы украшений, обнаруженные в «кладах» VII — первой половины VIII в. на территории пеньковской культуры, «древностями антов».

После гуннского нашествия население этой территории сохранило некоторые черняховские традиции: сероглиняную гончарную керамику, но были выработаны и собственные формы — лепные горшки и корчаги биконической формы и округлые. В ряде поселений (Канцирка и др.) производилась гончарная посуда северокавказского (аланского) облика. При этом прочие ремесленные традиции, в том числе кузнечное и ювелирное дело, переживали упадок.

На раннем этапе в строительстве жилищ нашли продолжение традиции черняховской культуры. Превалировали полужемляночные постройки, отапливаемые очагами и печами (глиняными или каменками), но встречаются и жилища с центральным опорным столбом, свидетельствующие о проникновении в ареал пеньковской культуры киевской традиции. Стены жилищ были преимущественно срубными. На юге ареала известны полужемлянки округлой или овальной формы, напоминающие юртообразные жилища причерноморских тюркоязычных кочевников — болгар и хазар.

Поселения (площадью от 0,5 до 2 га) устраивались на возвышенных местах надпойменных террас, что не требовало возведения укреплений. Но один из центральных памятников эпохи — крупное Пастырское городище второй половины VII — середины VIII в. в окрестностях села Пастырское (Правобережье Днепра) на р. Сухой Ташлык в бассейне р. Тяс-

9

9 Фигурка льва. Бронза. Поселение Скибинцы. Винницкая обл. Украина

мина площадью около 25 га — был обнесен мощным валом и рвом скифского времени. На городище производились браслеты с полыми утолщенными концами и штампованные подвески, воспроизводящие форму византийских серег, и др.

Исследователи определяют характер археологических материалов Пастырского городища [11] как смешанный славяно-кочевнический. Большинство найденных изделий имеет нижнедунайские истоки: мастера-ювелиры, использовавшие технику тиснения, скани, чеканки, могли быть переселенцами из Нижнего Подунавья [12]. Вероятно, городище было разгромлено хазарами в первой половине VIII в.

Многочисленные бронзовые и серебряные украшения, находимые в кладах, свидетельствуют о развитом характере ювелирного искусства. Один из наиболее интересных кла-

10

[11] Приходнюк, 2005.
[12] Приходнюк, 1994.

дов второй половины VII в., содержащий до сотни серебряных изделий, был обнаружен у с. Мартыновка на реке Рось (большинство вещей находится в МИДУ, часть — в Британском музее в Лондоне). Он включал предметы головного убора (налобные венчики, серьги, височные кольца со спиральными концами), восточноевропейские шейные гривны (из медного прута, обтянутого серебром); фибулы — пальчатую и узорную, щиток которой оформлен в виде симметричных зооморфных протом; разнообразные бляшки, накладки, серебряные наушницы и наконечники поясного набора; две серебряные чаши с византийскими клеймами, фрагмент блюда, ложку; характерны девять стилизованных фигурок людей и животных (МИДУ) [13] [ил. 10–12]. Замечательны четыре антропоморфные литые фигурки с массивными головами, с руками, упирающимися в колени, и полусогнутыми ногами, схематично передающие позу «пляшущего» человека [ил. 12]. Детали исполнены в технике чеканки. Волосы в виде обрамляющего нимба сохранили следы позолоты; орнаментальная насечка на груди, возможно, передает вышивку рубахи. Широкий круг аналогий «мартыновским человечкам» представляют аланские антропоморфные амулеты. Для искусства алан, Аварского каганата и Балкан эпохи Великого переселения народов характерны два вида литых фигурок коней, исполненных в зверином стиле: морды оскалены, копыта проработаны как когти, у фигурки коня массивный хвост представлен в виде птичьей головки (характерный элемент орнаментации, в том числе и пальчатых фибул). Гривы украшены чеканным орнаментом, сохранившим (так же как пасти и копыта) следы позолоты. Предполагается, что антропоморфные фигурки были

центром композиции, по сторонам от них симметрично должны были размещаться фигурки коней (на луке седла? — [ил. 11]).

Композиция, включающая симметричные изображения коней (конских голов, как на упомянутых «антских» фибулах) и центральную фигуру человека, видимо, восходит к скифской древности. Двусторонние коньковые привески с разнонаправленными конскими головами известны в скифо-сакской культуре и традициях разных народов Европы — от англосаксов до поволжских финнов.

Фибулы приобретают вычурные формы: при сохранении общей схемы пальчатой фибулы центральный луч оформляется в виде антропоморфной маски, боковые — в виде птичьих и змеиных головок (серебряные фибулы с Пастырского городища), ножка — в виде маски «дракона» [ил. 15]. Известны фибулы зооморфных очертаний с головой дракона — лапами-отростками и т.п. Щитки украшаются циркульным и спиральным орнаментом. Фибулы более простых форм, восходящие к двупластинчатой [ил. 17] [14], получают серебряные сердцевидные прорезные щитки с изображениями антропоморфных масок на концах, по сторонам которых симметрично располагаются образующие своеобразный венец протомы коней, головки птиц (Пастырское городище, ГИМ) [ил. 13, 14] и т.п. Крупные пластинчатые фибулы разделяются на антропоморфные (в них усматривают очертания женской фигуры — «богини») и зооантропоморфные. Иногда они украшались узором, выполненным в технике тиснения, имитирующей зернь. Попытки соотнести зооантропоморфные образы фибул с персонажами славянской мифологии, даже с универсальными образами вроде «великой богини», «фланкируемой»

[13] Приходнюк, Шовкопляс, Ольговская, Струина, 1991.

[14] См. из последних работ: Родинова, 2006.

представителями животного мира, малоосновательны [15].

Способы производства этих предметов — литье, ковка, чеканка, штамповка — свидетельствуют о развитии и специализированного ювелирного дела, связанного с провинциально-византийскими традициями. В мастерской ювелира, открытой на селище Бернашевка в Приднепровье (относящемся к пражской культуре), были обнаружены каменные литейные формы для производства лунниц и других подвесок, а также для пальчатых фибул [ил. 18, 19]. В формах вырезались негативы палянных вещей, производимых на Дунае при помощи более сложной технологии [16]. В этих формах, видимо, изготавливались восковые модели, которые затем обмазывались глиной, образующавшей формы-оболочки для отливки вещей из цветных металлов. Изучение состава металла из «антских кладов» показало, что серебро экономяли — в вещах его содержание не превышает 30–37%. К нему добавляли легирующие элементы — медь, свинец, — что приводило к потускнению изделий. Состав сплава указывает на связь технологии его производства с дунайскими византийскими мастерскими (возможно, со странствующими ювелирами). Клады разделяются на комплексы производственного сырья, видимо, принадлежавшие ювелирам, и собственно предметы ювелирного убора. Так, в Мартыновском кладе и в кладе, обнаруженном на Пастырском городище, а также на поселении Великие Будки (Среднее Поднепровье) наряду с инструментами ремесленников и созданными ими изделиями был найден лом других ювелирных вещей.

Убедительны предположения о принадлежности драгоценных уборов, обнаруженных в «кладах», славянской племенной «элите» (находки таких вещей в составе погребального набора единичны). Сформировавшаяся в этот период мода испытывала влияние разнообразных импульсов, исходящих от византийцев, германских племен и племен кочевников. Для этой евразийской традиции, воспринятой праславянами и свойственной синкретической предгосударственной культуре «варварского общества» в целом, характерен тип византийских серег и поясных наборов, развитых у кочевников (мода на «геральдические» пояса сформировалась на Дунае в VI–VII вв., в том числе у авар), которые сочетались с фибулами германского происхождения [17].

У степняков также сохранились комплексы, содержащие многочисленные сокровища, самым известным из которых является так называемый Перещепинский клад, ранее иногда приписывавшийся славянскому вождю; ныне большинство исследователей считают его принадлежащим хану Великой Болгарии Куврату или его наследникам [18]. На изготовление найденных пиршественных золотых и серебряных сосудов из Византии и Ирана, украшенных

12 Фигурка в позе всадника, т.н. пляшущий человечек. Серебро, чеканка, золочение. Клад из с. Мартыновка. Среднее Поднепровье

12

драгоценными металлами оружия и конской сбруи, золотых византийских монет, перстня с монограммой Куврата ушло 25 кг золота и 50 кг серебра. Погребальный или поминальный комплекс был призван демонстрировать могущество хана. Предполагают, что влияние Великой Болгарии ощутимо было и на славянской периферии степи.

Славянская традиция воздействовала на культуру племен лесной полосы. Так, пальчатые фибулы распространялись по традиционным речным коммуникациям до балтского Верхнего Поднепровья и до освоенного теми же балтами бассейна Оки. Считается, что в Приднепровье традиции киевской культуры

[15] Сходные композиции в русской вышивке XIX–XX вв. относятся к распространенным у разных народов мотивам парных копыт или птиц у «мирового дерева» (терема или у осевого антропоморфного символа) и не восходят напрямую к языческой архаике, а потому не могут использоваться для реконструкции языческих «храмов» и т.п. (ср.: Василенко, 1977. С. 27–167; Рыбаков, 1981; Динцес, 1951).

[16] Ср. Vinokur, 1997; Минасян, 2003. С. 26–211.

унаследовала так называемая колочинская культура. В ее ареале известны комплексы, сходные с комплексами пеньковской культуры: в том числе Гапоновский клад VII в. (парные пальчатые фибулы; бронзовые гривны с утолщенными концами, орнаментированными насечками; височные кольца со спиральными концами; трапециевидные пластинчатые привески; поясные наборы и т.п.) [19] Некоторые элементы убора (помимо лунниц), в частности пластинчатые головные венчики (иногда со спиральными завитками на концах, с тисненым или гравированным узором), в Мартыновском, Гапоновском и другихкладах VII в., доживают до древнерусского времени. К их основе — берестяной, кожаной или матерчатой — могли привешиваться височные кольца. В ранних древнерусскихкладах известны и шейные гривны — серебряные и бронзовые, гладкодротовые и фасетированные с петлевым замком — литые браслеты с расширяющимися концами.

В конце VII — первой половине VIII в. ситуация в Среднем Поднепровье (как и в лесной полосе Восточной Европы) меняется, по-видимому, в связи с началом экспансии хазар. Местное население скрывало свои сокровища вкладах. Состав кладов первой половины VIII в. изменяется: в них нет предметов мужского убора — поясных наборов, оружия, а также женских венчиков и височных колец; появляются характерные серьги со звездовидной или полый привеской. Сохраняется основной состав женского убора — серьги и височные кольца, нагрудные украшения — гривны, бусы, металлические ожерелья, фибулы и наборы браслетов [20].

У славян формируются новые культурные традиции, очевидно, отражающие дальнейшее диалектное членение праславянской культуры. В Правобережье Днепра наследницей пражской культуры в VIII–IX вв. становится культура Луки Райковецкой. Традиции пражской культуры сохраняются в IX в. в строительстве жилищ — полуземлянки либо со столбовой конструкцией и плетневым каркасом стен, либо в виде сруба, с печами в углу (известны и очаги) — и в гончарном производстве. Известны лепные горшки, венчики которых подправлены на гончарном круге; орнамент примитивный — по преимуществу ямки, насечки, ногтевые вдавления и пальцевые вмятины по краю венчиков, линейно-волнистый узор на тулове. Гончарная посуда распространяется начиная с X в., т.е. с древнерусского периода.

На поселениях прослеживаются элементы рядовой планировки, селища иногда концентрируются вокруг городищ. В погребальном обряде наряду с грунтовыми могильниками с трупосожжениями распространяются курганы, окруженные ровиками.

Среди наиболее исследованных поселений — городище-убежище Хотомель в низовьях р. Горынь (Столинский район Брестской обл., Беларусь): состоит из собственно городища и селища с жилищами-полуземлянками и глинобитными печами и грунтового могильника с трупосожжениями в урнах. Вдоль же вала культурный слой делится на два горизонта: первый — с обломками посуды VII в. — относится к позднему периоду пражской культуры; во втором горизонте сохранился длинный наземный дом общественного назначения. Здесь найдены височное семилучевое кольцо с ложной зернью, обломок серебряного браслета, наконечники стрел, копье, пластинки от панциря, обломки посуды VIII–IX вв. раннегончарных типов.

Состав украшений, характеризующий ювелирное производство и костюм культуры Луки Райковецкой, скромны. Для нее не характерны нагрудные украшения типа шейных гривен и привесок. Найденное на Хотомеле семилучевое кольцо относится к ранним образцам типичных для восточных славян ложнозерненных височных колец, подражающих византийским серьгам, украшенным зернью. Обычными для данного культурного ареала становятся простые перстнеобразные височные кольца, иногда имеющие вид полуторообразной спирали, ставшие затем характерными для всех славян. Другой этнографической особенностью убора этой группы славянских племен, которые по летописи, размещались на правобережье Днепра — поляне, древляне, волыняне и дреговичи, — считаются крупнозерненные металлические бусы. Известны также серьги-лунницы, подковообразные фибулы, салтовские (аланские) серьги и перстни и другие украшения, характерные для степного ареала.

Поздний вариант культур «полей погребений» на киевском Правобережье и Левобережье Среднего Днепра представляет волынцевская культура конца VII — начала IX в. Ее специфическую особенность составляет наличие развитой гончарной традиции, испытавшей аланское влияние: лощеная гончарная посуда — горшки с высоким венчиком и миски, салтовское происхождение имеют сероглиняные кувшины. Известны и причерноморские амфоры. Орнамент — вдавленные пролощенные линии, отпечатки веревочного и гребенчатого штампа, волнистый узор и др. Преобладает, однако, лепная посуда простых форм (горшки, миски, кружки, сковороды), часто подражающая гончарным сосудам. Им присуща иная орнаментация — отпечатки пальца, ногтя, веревочки по венчику.

Хозяйственные постройки не углублялись в землю, их стены делались из плетневого каркаса, обмазанного глиной, полы глинобитные. Выделялись размерами сооружения с остатками печей-горнов для производства железа.

[17] Ср.: Ковалевская, 2000; Рябцева, 2005. С. 15 и сл.

[18] Залеская, Львова, Маршак, 1997.

[19] Гавриутхин, Обломский, 1996.

[20] См. общую характеристику убора с учетом специальных работ О.А. Щегловой: Рябцева, 2005. С. 17–23.

13

14

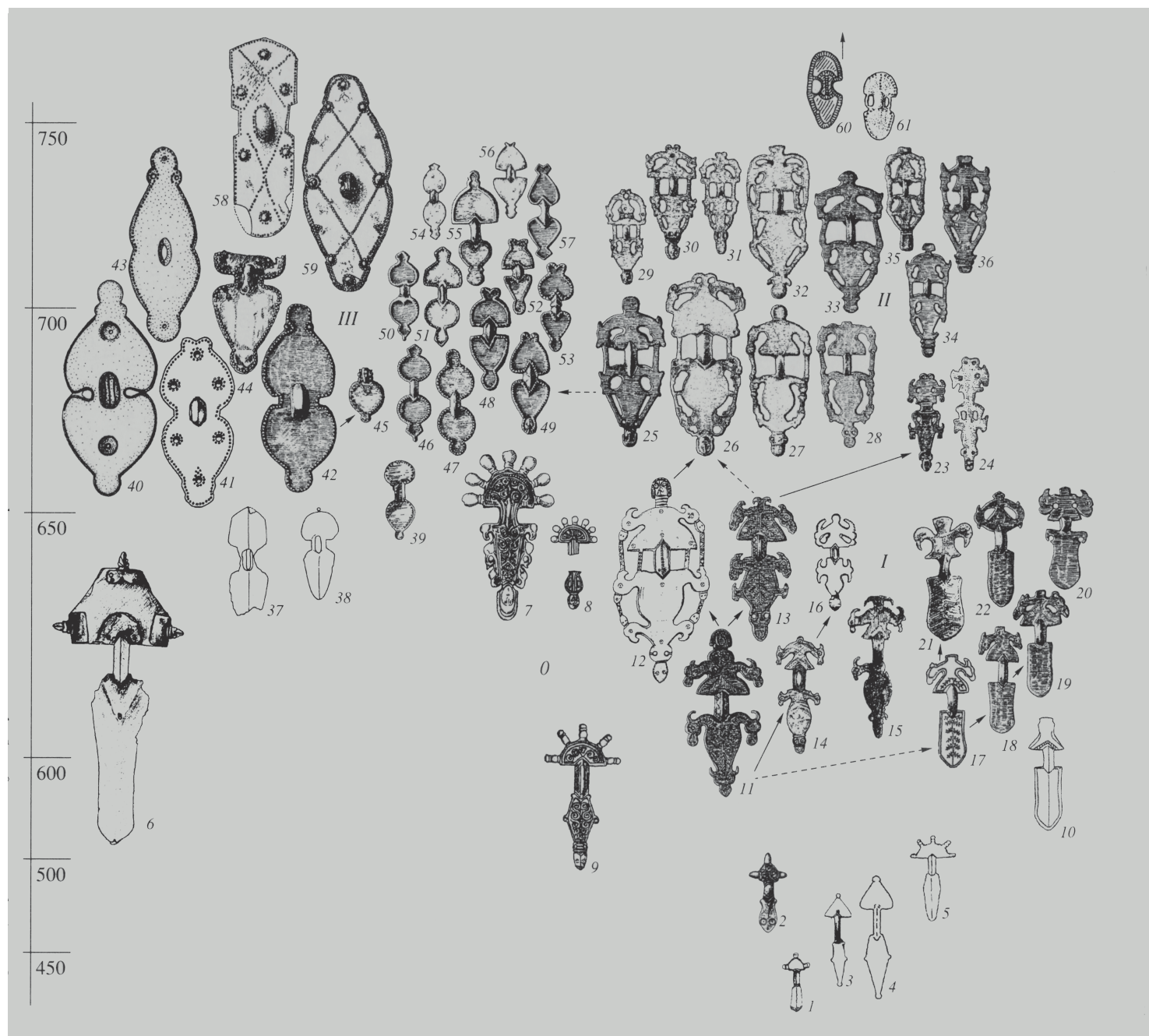
- 13 Зооморфная фибула. Серебро. Пастырское городище. Среднее Поднепровье. VI–VII вв.
 14 Зооморфная фибула. Серебро (?) VII в.
 15 Фибула. Серебро. Пастырское городище
 16 Три пластинчатые фибулы. Серебро. Харьковский клад. Среднее Поднепровье. VI–VII вв.
 17 Типологическая схема антропоморфных и двупластинчатых фибул (по В.Е. Родниковой)
 18 Формочка для отливки пальчатой фибулы. Лицевая и обратная стороны. Камень. С. Бернашевка. Винницкая обл. Украина. V–VIII вв.
 19 Литейная форма. Камень. С. Бернашевка. Винницкая обл. Украина

15

16

17

18

19

20 Серьги. Серебро, зернь, позолота. Харьковский клад. Среднее Поднепровье. VI–VII вв.
21 Серьги. Золото, зернь. Харьковский клад

20

Комплекс украшений, находимых в волынцевских поселениях, свидетельствует о разнообразии культурных контактов их жителей. Здесь встречаются золотые и серебряные серьги со звездообразными привесками, украшенными зернью (подражание византийским образцам), литые серьги волынцевского типа и салтовские серьги с грушевидными привесками, антропоморфные фибулы, проволоочные шейные гривны, поясные бляшки и т.п. Крупное сокровище представляет собой так называемый Харьковский (Харивский) клад серебряных вещей, обнаруженный в горшке волынцевского типа в Сумской области [ил. 20, 21]. В нем было: более 10 шейных гривен, в том числе уникальная пустотелая; шесть антропоморфных фибул; пара золотых серег с подвесками в виде шарика, декорированного пирамидками зерни; византийские подвески в форме лунниц со звездчатыми привесками (серебро с позолотой); серебряные кованые браслеты; предметы, украшенные сканью. Шейные гривны из серебряного прута, возможно, имеют балтийское происхождение, а «лунничные» подвески, схожие с харьевскими, встречались на упомянутом Пастырском городище, вкладах, найденных на южном Буге и в других местах. Привозные вещи дунайского и хазарского (салтовского) происхождения, наряду с предметами, исполненными под влиянием византийского прикладного искус-

ства, продолжали воздействовать на характер парадного убора формирующейся элиты славянского общества.

Особая роль, принадлежавшая древностям салтовского круга в вещевом инвентаре и керамическом производстве волынцевской культуры, позволяет предположить, что ее ареал связан с территорией тех славянских племен (поляне, северяне, радимичи), которые, согласно летописи, в предгосударственный период платили дань Хазарскому каганату. Сильным оставалось и традиционное для культур «полей погребений» воздействие «дунайских» — аваро-славянских и моравских влияний.

В первой трети IX в. волынцевскую культуру в Левобережье сменяет так называемая роменская культура, распространенная в IX–X вв., типологически близкая ей и синхронная древностям Луки Райковецкой. В свою очередь, роменской близка боршевская культура в бассейне Дона.

Представители роменской культуры в IX в., видимо, обменивали на зерно восточное монетное серебро, поступающее в Восточную и Северную Европу по речным магистралям через территорию Хазарии. Это способствовало развитию ювелирного искусства, характерными для которого были своеобразные украшения — шейные гривны с раскованными концами, браслеты с расширяющимися заходящими концами. Находка бронзовой матрицы на Ново-

21

троицком городище свидетельствует о производстве бляшек поясного набора техникой тиснения. Возле одного из жилищ в горшке обнаружен клад серебряных изделий — арабские дирхемы, серьги салтовского типа, а также перстень. Вещи были дефектные, видимо, являлись металлическим ломом, сырьем, предназначенным для производства ювелирных изделий. Вес серебряных украшений кратен весу монет.

На формирование состава украшений роменского типа в первую очередь оказывала влияние салтовская культура. Сходство с финно-угорскими и балтскими древностями, а также с дунайскими (в том числе с позднеаварскими и моравскими) образцами, характерными для византийских провинций, было незначительным. Известны литые серьги салтовского типа и «шумящие» финно-угорские привески; ювелирные украшения, изготовленные при помощи сложных технологий, например изделия с зернью, скорее всего, являются византийским импортом. Семи- или пятилучевые литые псевдозерненные височные кольца, характерные для роменской культуры и позднейшей «радимичской», также восходят к византийским серьгам, украшенным зернеными «лучами». Так, на кольцевидных серьгах клада из городища Супруты (под Тулой, X в.) сохранился византийский мотив парных птичек над щитком [21] [ил. 22]. Сходный

[21] Сокровища ойкумены, 2005. С. 120; Григорьев, 2000. С. 128–129. Далеки-ми прототипами этих колец (равно как и лунниц) для византийской и античной традиции оказываются древневосточные украшения (Беляев Л., 1999. С. 17–20).

[22] Сухобок, 1975. С. 116.

мотив использован на щитке серьги из Искоростя [ил. 23]. Сложные технологии (зернь, тиснение, пайка) не были освоены местными ювелирами, работавшими в основном в технике литья иковки. Из убора исчезают пальчатые и другие типы фибул «антской» эпохи, распространяются (из Прибалтики?) подковообразные фибулы, характерные для мужского и женского костюма Восточной Европы X–XIII вв., а также дровые гривны и браслеты.

Для погребального обряда характерно возведение курганов с помещением урны в верхнюю часть насыпи, в чем усматривают аналогию летописному описанию погребального обряда вятичей, которые собирали кости сожженного умершего в урну и ставили ту «на столпе». Известны малочисленные погребения с трупоположением.

Кухонная керамика (горшки, миски, сковороды) по преимуществу лепная. Гончарная столовая посуда, близкая по типу салтовской, происходит с территории Хазарского каганата, тогда как амфоры привозили из городов Северного Причерноморья. Разнообразием отличается орнамент, включающий помимо простейших мотивов — волн, зигзагов, ромбов и других фигур, нанесенных веревочным штампом, ямочных вдавлений и т.п. — редкие зооморфные мотивы [22]. В X в. распространяется гончарная посуда.

Племена роменской культуры, судя по летописям, населяли северные земли. На роменском поселении возникает в X в. один из их центров — Новгород Северский. В X в., судя по распространению ювелирных изделий, формируется и система этнокультурных коммуникаций в Восточной Европе, охватывающих не только Среднее Поднепровье, но также Подонье и Верхний Днепр, складывается предгосударственная культура.

* * *

Особой проблемой в предистории русского искусства и культуры остается проблема культовых изображений и сооружений. Их связь с мифологическими представлениями не ясна, поскольку в славянской традиции не сохранились собственно мифологические тексты (хотя наделение украшений магическим, прежде всего, апотропейным смыслом относится к универсальным явлениям). Обнаруженные в лесной и лесостепной зоне каменные антропоморфные изваяния — «идолы» — как правило, находились вне археологического контекста поселений или святилищ, поэтому не имеют определенной датировки. Фигура, найденная на черняховском поселении Ставчаны (Подолія), по иконографическим особенностям — коса, шапочка, питьевой рог в руке — относится к раннеполовецким изваяниям.

22

- 22 Височные кольца.
Бронза. Городище Супруты
под Тулой. X в.
23 Серьга (?). Серебро. X в.
Искоростень. Средний
Днепр
24 Височные кольца,
подражающие лунничным
украшениям дунайского
региона:
а, в, г Среднее Подунавье
б Старая Ладога
д Дер. Арефино. Смолен-
ская обл.

Датируемое изваяние — Збручский идол — относится к древнерусскому времени.

К культовым сооружениям на поселениях и могильниках римской и праславянской эпох относят так называемые жертвенные ямы: их заполнение — зола, угли, кости животных, обломки посуды — следы жертвенных обрядов. На поселении культуры Прага-Корчак (на Волини) в яме лежали в ряд семь глиняных «хлебцев», лепешек, имитировавших хлеб (такие лепешки, иногда с прочерченными крестами, находят в жилищах возле печей с черняховского времени). Над ямой была устроена конструкция типа шалаша.

Традиция жертвенных ям сохранялась в Древней Руси. Одна из таких ям обнаружена в Новгороде (X в.) на незаселенном участке. Там находилось семь ковшей, поставленных на ребро; два ковша были перевернуты вверх

дном в центре ямы; яма содержала также два куска воска полукруглой формы. В другой яме находились два бычьих черепа и ковш между ними. Третья яма содержала костяк лошади. Череп был отделен и лежал отдельно вместе со свечой и кнутом. Этот жертвенный комплекс интерпретируется как следы братчины с пиром и поеданием жертвенных животных [23]; возможно, пир был связан с освящением застраиваемого участка города.

Ни письменные, ни археологические источники не содержат свидетельств о языческих храмах у восточных славян. Обряды совершались на открытых капищах — святилищах, возле культовых деревьев и т.п. По всей вероятности, одно из таких капищ было открыто раскопками В.В.Хвойки в Киеве на Старокиевской горе. Им был обнаружен имеющий каменную вымостку участок овальной формы с четырьмя выступами по сторонам света, возле вымостки — следы возжигания огня и кости животных. Правильная форма вымостки недостаточно документирована, поэтому ее культовый характер подвергается сомнению. В большей мере документировано культовое сооружение на поселении Шумск (Волинь): слегка углубленное в материк святилище имело крестообразную форму с выступами по сторонам света. В центре располагалась яма с камнями крепления (деревянной статуи — идола?) и зольник (скопление золы и углей, свидетельствующее о многократном разжигании огня, каменные плиты (алтари?), возле которых обнаружены пережженные кости птиц и быка, кремневый наконечник стрелы (громовая стрелка в общеславянской традиции), фрагменты лепной и гончарной посуды IX–X вв. Возле культового комплекса были найдены остатки большого наземного дома

[23] Седов В., 1957.

23

24

(жилище жреца?) — полуземлянка и несколько столбовых хозяйственных построек. Рядом находился грунтовой могильник с трупосожжениями в ямках без урн. Неподалеку от святилища располагались поселения того же времени.

Предположительно функциями святилищ наделяются также городища, чьи площадки не превышали в диаметре 15 м, т.е. не были пригодны для жилья и вряд ли могли использоваться в качестве убежищ [24]. Культурный слой на этих городищах практически отсутствует, зато обнаружены каменные вымостки — зольники. Костры разжигались также на валах и во рвах. Такие городища-святилища открыты в разных регионах — на Смоленщине, Псковщине, в Припятском Полесье, в украинском Прикарпатье у с. Ржавинцы.

* * *

В лесной полосе — Верхнем Поднепровье и Поочье — в VI–VIII вв. существовали культуры, традиционно относимые к балтам. Славяне появляются в местах обитания балтов на балтских поселениях, но дунайско-византийские влияния прослеживаются слабее, чем на юге.

Для ювелирного искусства балтов лесной полосы характерны пальчатые фибулы, вещи, украшенные эмалью, яркое представление о которых дает Мощинский клад (ГИМ) [25]. Традиционными для балтского убора были трапециевидные привески и т.п. С проникновением славян связывается распространение браслетообразных височных колец из бронзы, серебра, иногда железа. На востоке эти

кольца достигают территориальных мер в Верхнем Поволжье и муромы на Оке [26].

Севернее во второй половине I тыс. н.э. формируются культуры, характеризующиеся специфическими погребальными памятниками: это культура длинных курганов на Смоленщине и Псковщине и культура сопок в Поволжье. Они традиционно приписываются известным по летописным упоминаниям племенным объединениям кривичей и ильменских словен. Кривичи, по летописи, сидели в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги; само их имя возводится к словам со значением «обитающие на окраине» — они действительно расселились на окраине ареала праславянской колонизации. Словене, сев на Ильмене, рядом с чудью (предками эстонцев) и другими финно-угорскими племенами, прозвались тем же именем, каким называли себя праславяне на Дунае.

Дунайские культурные импульсы достигали окраин славянского расселения. На севере открыты немногочисленные древности пражской культуры. Существовавший здесь погребальный курганный обряд восходил, очевидно, к характерному для праславян обычаю насыпать полусферический курган над остатками трупосожжения в урне или без нее. Культуре длинных курганов, возможно, предшествовала культура с погребениями на грунтовых могильниках. Судя по датирующим находкам, таким, как В-образные рифленые пряжки поясов, в псковский ареал славянское население из Центральной Европы стало проникать с середины I тыс. н.э. Славяне ассимилировали местное балтское и прибалтийско-финское население. Кривичские поселения (селища) исследованы слабо. Встречающаяся на них керамика — лепная, это преимущественно слабопрофилированные горшки.

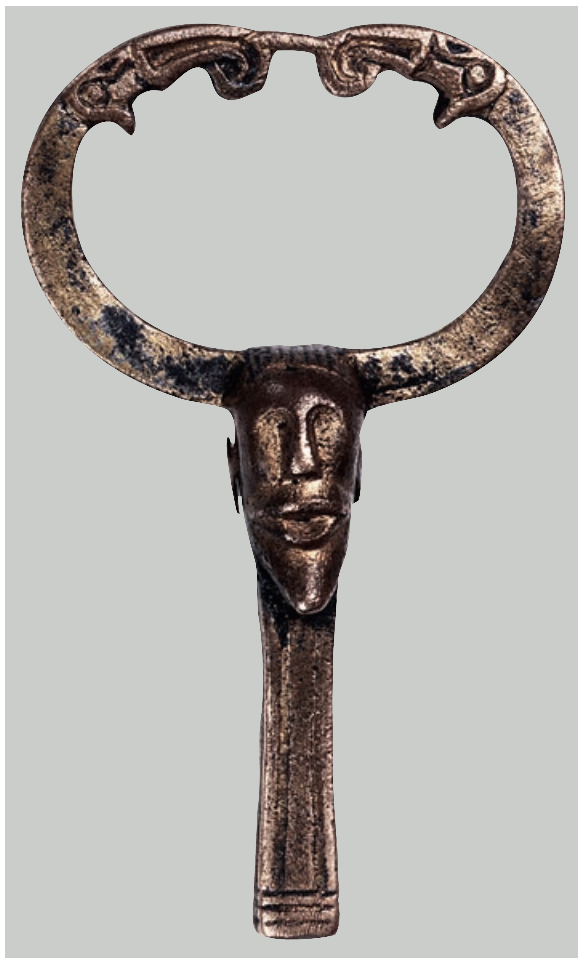
Длинные курганы (до 120 м на Псковщине, до 30 м на Смоленщине) формировались путем примыкания последующих захоронений к первичной насыпи с кремацией в урне, ямке или по всему горизонту в длину. С рубежа VII–VIII вв. курганы (сопки) стали возводить вертикально: очередные погребения совершались на вершине первичной насыпи до 4 раз, достигая высоты до 10 м. Полоцко-смоленские длинные курганы отличались от псковских не только размерами, но и составом инвентаря: в них находят остатки женских венчиков типа летто-литовских вайнаг, полусферические бляшки, трапециевидные и иной формы привески, свойственные балтскому женскому убору. Типичные для него браслетообразные височные кольца послужили моделью, на основе которой в X в. формируется новый вариант височного кольца с пластинчатыми расширениями на незамкнутых концах (подражание «лунничным» украшениям дунайского региона?) [27] [ил. 24].

[24] Русанова, Тимошук, 1993.

[25] Седов В., 1982. С. 44–45.

[26] Седов В., 2005. С. 811–823.

[27] Седов В., 1999/1. С. 144.

25

26

28

Наибольшее скопление сопок отмечено в низовьях и верховьях Волхова, где возникают города Ладога и Новгород. Поселения ильменских словен, так же, как и кривичские, слабо изучены, насколько можно судить, в основном это были неукрепленные селища.

Уникально мысовое Любшанское городище на Волхове напротив Старой Ладоги. Раскопками Е.А. Рябина и других археологов открыты следы интенсивного бронзолитейного (тигли, льячки, литейные формы) и железодельного производства. Об этом свидетельствуют пластинчатые и лунничные височные кольца, подковообразные фибулы, трапециевидные привески и др. (см. также ниже). Городище разрушено во второй половине IX в., что, вероятно, связано с призыванием варяжских князей.

Среди находок в сопках — лепная керамика (преимущественно приземистые горшки с округлым туловом), мелкие украшения одежды (бронзовые бляшки-скорлупки, трапециевидные привески и др.). Обнаружены также бронзовые браслеты с расширяющимися концами.

При сооружении сопок контур их основания обкладывался валунами в один — три яруса. В подошве сопки также находились каменные выкладки разных форм или просто кучи

камней (в чем, вероятно, сказывается влияние обрядности прибалтийских финнов или скандинавов).

Возведение монументальных погребальных памятников, несвойственных славянам, на других территориях связано со славянской колонизацией, в том числе с освоением «чуждых» — финно-угорских — областей. При отсутствии у славян Восточной Европы выраженной культовой архитектуры ведущими оставались погребальные памятники, связанные с куль-

27

- 25 Навершие жезла (?) в виде мужской головы в рогатом шлеме. Бронза
 26 Навершие жезла (?) с головой дракона. Кость. Ладога. IX в.
 27 Накладка в виде змеи. Рог. X в. Ладога
 28 Зооморфное навершие (?) . Дерево. IX в. Ладога
 29 Мужская фигурка в высокой шапке. Дерево. IX в. Ладога. Деталь
 30 Крюк с зооморфным завершением. Дерево. IX в. Ладога. Деталь

29

30

том предков. Они призваны были закрепить принадлежность кривичам и словенам освоенных ими территорий. Параллельно формировались разнообразные диалектные формы славянской культуры (наряду с языковыми диалектами — кривичским и словенским).

Начало древнерусского периода

Укрепленные поселения, которые, естественно, были более надежными средствами защиты племенных территорий, возникают в пограничье кривичско-словенской и чудской зон с VIII в.: это Изборск у кривичей, Ладога и Новгород у словен. Образование городов связано с процессом формирования государства, что отражено в начальной русской летописи — «Повести временных лет», составленной в Киеве на рубеже XI–XII вв. (см. статью М.А. Сагайдака «К истории градообразования на территории Древней Руси» в наст. издании). Примечательно, что летопись под 859 г. упоминает о двух сферах влияния, существовавших на территории Восточной Европы. На севере дань с чуди, словен, кривичей и мери брали варяги, приходившие из-за моря (из Скандинавии); на юге дань с полян, севе-

рян, радимичей в Среднем Поднепровье и с вятичей на Оке брали хазары. Летописный рассказ подкрепляется сведениями анонимного арабского источника последней трети IX в., отраженного в известиях Ибн Русте и других арабских авторов X в. В них содержатся сведения о людях «ар-рус», которые приплывают к славянам («ас-сакалиба») на кораблях с «острова русов». Русы берут с них дань и захватывают рабов. Их они продают в Хазарии и Волжской Болгарии. Вместе с тем, на юге дань со славян брали и венгры (подданные Хазарии), продававшие славянских рабов на Боспоре (в Керчи).

Присутствие инвентаря и построек алано-хазарского (салтовского) типа в ареале среднеднепровской волынцевской, в меньшей степени — роменской культуры (о чем, как уже отмечалось, свидетельствуют поминальные памятники типа Перещепины и Вознесенки складами драгоценных вещей), указывает на важность их земель для правителей «кочевых государств». Возведение каменных крепостей, при постройке которых были использованы аланские (северокавказские) и византийские традиции на Северном Донце, Дону и других реках, поддерживало контроль хазар

31

31 Скорлупообразная
фибула. Бронза. IX в.
Курганный могильник
у д. Заозерье. Приладожье
32 Лунница. Серебро,
зернь. X в. Курганный
могильник в урочище
Плакун. Приладожье

над территориями лесостепи, над главными речными магистралями. На Дону по заказу хазарского кагана византийским мастером Петроной около 840 г. была построена из кирпича крепость Саркел.

Каменное строительство Хазарии практически не сказалось на развитии оборонного зодчества собственно славянских территорий — укрепления там по-прежнему возводились земляные — валы и рвы, иногда с деревянными стенами. Но общие экономические и культурные интересы связывали всю Восточную и Северную Европу с рубежа VIII и IX вв. С этого времени речными путями в Скандинавию начинает поступать арабское монетное серебро. Дирхемы, чеканенные в разных городах халифата, обнаруживаются вкладах по рекам Восточной Европы, на побережье Балтийского (Варяжского) моря и в Скандинавии. На монеты часто наносились скандинавские рунические граффити и другие надписи, рисунки, в том числе тюркские тамгообразные и русские княжеские знаки. Поступление серебра в восточных источниках связывается с торговой деятельностью «ар-рус», которые проходили с товарами и рабами по рекам до Хазарии. Там, по сообщению Ибн Хордадбега (940–980-е гг.), они платили десятину (пошлину) кагану, высаживались на южном берегу Каспийского моря, караванными дорогами следовали до Багдада, или по Черному морю плыли до Константинополя. Там десятину с них брал император. Существенно, что значительная часть серебра оседала на поселениях вдоль рек Восточной Европы — на Оке, Верхней

Волге и Волхове. Это означает, что русские дружины должны были оплачивать услуги местного славянского населения при передвижении по торговым путям. Вероятно, часть серебра поступала к славянам левобережья Днепра от хазар. Так или иначе, изготовление серебряных украшений осуществлялось из сырья, поступающего в виде монет (ср. упомянутый клад на роменском городище Новотроицкое). В Скандинавии это производство достигает расцвета в «эпоху викингов» (IX–XI вв.), называемую иногда «серебряным веком».

Изменяется орнаментальный стиль широко распространенных поясных наборов: на смену геометрическому «геральдическому» орнаменту в VIII в. приходит растительный — пальметты, «лотосы» и т.п. Параллели ему известны как в иранской, так и в византийской (дунайской) традиции. Возрождаются некоторые мотивы звериного стиля. На смену старым фибулам вычурных зооантропоморфных и тому подобных форм приходят вещи более простых очертаний. Со второй половины VIII в. в Поволховье и Причудье распространяются мелкие свинцово-оловянные бляшки, подвески, розетки и другие украшения, известные еще в «древностях антов» в Приднестровье и далее — у авар и в Крыму, где сходные бляшки иногда делались из золота) [28].

Древнейшие клады серебра концентрируются и в городах, в том числе в Ладоге и на Городище близ Новгорода. Ладога представляла собой древнейший торгово-ремесленный центр, ориентированный как на восточноевропейскую торговлю, так и на связи с Балтий-

[28] На Любшанском городище VIII–IX вв. (правый берег Волхова) в кладе из слитков металлического сырья, полуфабрикатов и готовых изделий были обнаружены два шаблончаточника из медного сплава для тиснения прямоугольных орнаментированных пластин или изготовления литейной формы. Сходная каменная литейная форма обнаружена на городище Камно под Псковом. (см.: Щеглова, 2002. С. 134–150; Щеглова, 2004. С. 263–271).

32

ским регионом. Полагают, что в Ладоге обнаружены следы целого ремесленного квартала с мастерскими по обработке рога, кости, янтаря, бронзы, возможно, стекла. К древнейшим ее постройкам (середина VIII в.) относится двухкамерное сооружение столбовой конструкции с горном. В нем располагалась кузница, что подтверждает найденный здесь клад с набором кузнечных и ювелирных инструментов скандинавского происхождения — 26 предметов, в том числе несколько клещей, железные пробой, миниатюрная ювелирная наковальня, три ювелирных молоточка, зубила, ювелирные ножницы, сверла, волочи́льни для изготовления проволоки, наковальня для выпуклой чеканки и др.

В том же комплексе возле вымостки из плитнякового камня были обнаружены тигли, фрагмент литейной формочки, слиток олова и другие предметы, указывающие на то, что здесь могла находиться металлургическая печь (?). Среди заготовок и готовых изделий мастерской обнаружены заклепки, использовавшиеся при постройке ладей, клинки ножей, наконечник стрел и другие вещи. Очевидно, что ремесленник был универсалом, работал с черным и цветным металлами. Особенно характерны ювелирные молоточки, железная оковка «мягкой» деревянной наковальни, предназначенной для выпуклой чеканки и штамповки [29]. В состав клада, обнаруженного в пристройке к кузнице — «отделочной мастерской», — входило также бронзовое литое навершие с головкой бородатого мужчины в шлеме с рогами, завершающимися птичьими

ми головками. Эти детали позволяют сопоставить навершие с изображениями верховного бога скандинавского пантеона Одина и его воронов [ил. 25]. Со скандинавскими ремесленными традициями связана и более поздняя (рубеж X и XI вв.) мастерская, где производились (судя по бракованным изделиям) фибулы скандинавских типов (равноплечая и скорлупообразная) с характерным орнаментом в зверином стиле, отливавшиеся из латуни и бронзы. Скорлупообразные фибулы распространились в Приладожье [ил. 31]. В комплексе обнаружено большое число стеклянных бус, свыше четверти которых были бракованными, что свидетельствует об их производстве на месте. Каменная литейная форма для отливки серебряных слитков — полуфабрикатов и др. — свидетельствует о развитом ювелирном производстве. Все это подтверждает наличие в Ладоге дифференцированного городского ремесла и его общепольского характер.

К началу X в. возникает гончарное производство, связанное с местной традицией, — керамика лепная, близкая керамике из культурных сопоток. Многочисленные украшения, содержащиеся в культурном слое наряду со скандинавскими по характеру предметами, также относятся к местным традициям, — культуре сопоток и длинных курганов. Среди них славянские височные кольца, лунничное височное кольцо, каменная литейная форма для трехрогой лунницы и др. Интересными образцами декоративно-прикладного искусства являются костяное навершие жезла (?) со скульптурной головкой дракона, найденное в одной из ладожских сопоток [ил. 26], накладка в виде змеи из рога [ил. 27], а также деревянные статуэтки с лаконично переданными туловищами и выразительными бородатыми головами [ил. 29], крюк с зооморфным завершением [30] [ил. 30].

Ладога была полиэтническим центром территории, где жили словене, кривичи, финноязычная чудь (для финнов характерны украшения с «шумящими» привесками — [ил. 33]), варяги (выходцы из Скандинавии). В скандинавском кургане из урочища Плакун была найдена лунница [ил. 32], сочетающая в декоре североевропейские и моравские традиции. Клады восточного серебра свидетельствуют об идущих в VIII–X вв. процессах накопления и перераспределения богатств. Летопись свидетельствует, что эта жизнь не была бесконфликтной.

В летописи под 862 г. сообщается, что местные племена изгнали варягов за море (с этим событием иногда связывают слой пожара в Ладоге) и не дали им дани. Затем восставшие данники стали «сами в себе володети», и «не было в них правды», род восставал на род. После усобиц бывшие данники на вече решили призвать себе князя, чтобы он владел и судил их «по праву», для чего и были отправлены послы за море к одному из варяжских

[29] Параллели известны как в ранних (X в.) слоях Новгорода, так и в средневековых (XVI–XVII вв.) производственных комплексах Пскова.

[30] См. каталог: Старая Ладога, 2003.

объединений — «руси». На призвание откликнулись три брата-князя, которые взяли с собой «всю русь» и прибыли к призывавшим их словенам, кривичам и мере. В одной из редакций легенды о призвании князей рассказывается, что Рюрик, старший из них, сел сначала в Ладоге, потом же срубил город Новгород, Трувор получил Изборск в земле кривичей, Синеус — Белоозеро в земле финского племени, называвшегося весью (территория словенской колонизации).

С призванной варяжской дружиной исследователи связывают скандинавский могильник в урочище Плакун под Ладогой с курганами, под которыми открыты, в частности, скандинавские трупосожжения в лодках. Нумизматика подтверждает летописную дату событий: с 860-х гг. с нормализацией условий прохождения по рекам Восточной Европы, активизируется приток восточной монеты в Восточную Европу и Скандинавию. Подтверждается и формирование в этот период сети городов. К древнейшим относится Изборск; в Белоозере следы слоев IX в. не открыты, но известны остатки могильника X в. с трупосожжениями, содержащими скандинавские скорлупообразные фибулы. Кроме того, на соседнем с Белоозером неукрепленном поселении Крутик на р. Шексне (центр пушного — бобрового — промысла) наряду со следами кузнечного и ювелирного ремесла обнаружены более древние предметы скандинавского происхождения.

Как и Ладога, Изборск, основанный в VIII–IX вв. кривичами, был межплеменным центром: в его культурных слоях содержатся чудские и другие предметы прибалтийского круга.

В числе находок — восточные и византийские монеты, в их числе три клада дирхемов, бусы, предметы скандинавских и общебалтийских типов, части весов и весовые гири. Одним из важнейших видов деятельности населения Городища было ремесло — бронзолитейное, косторезное, ткачество и др. Производились там и украшения, в том числе, скандинавских типов. Таковы заготовка фибулы, навершие в виде свинцовой головы дракона [ил. 34], серебряная фигурка валькирии [31] и иные.

Сходную историю мог иметь и Киев, на территории которого известны славянские сельские поселения VI–VIII вв. Ранняя история Киева связана с летописным преданием о переносе сюда вещим Олегом и Игорем столицы из Новгорода. Олег, приведший в Киев дружину из варягов и словен, прозванную русью, провозгласил его «метрополией» — «матерью городов русских» [32].

К дохристианскому периоду истории Киева относятся найденные на его территории предметы керамики, пальчатые и антропоморфные фибулы, фрагмент бронзовой фибулы с выемчатой эмалью. Сотни курганов, в том числе больших княжеских, были уничтожены в процессе развития города. Остатки раннего

33

поселения древнерусского времени (IX–X вв.) обнаружены на Замковой горе, здесь же был найден клад восточных монет VIII–X вв. и формочка для отливки дирхемов (часто носимых в качестве привесок к ожерельям). От «могил» — больших курганов первых киевских князей Аскольда и Дира — остались названия урочищ.

Основной материал для характеристики прикладного искусства Киева X в. дает инвентарь дружинных погребений. В культурном слое встречаются предметы, характерные для

[31] Носов, 1990. С. 157, 122.

[32] Летописное сообщение под 882 г. (см.: ПСРЛ, 1998. Т. 2. Стб. 17).

- 33 Подвеска с шумящими привесками-лапками. Бронза. X в. Курганный могильник у д. Заозерье. Приладожье
 34 Навершие в виде головы дракона. Свинец. X в.
 35 Формочки для литья поясных бляшек. Камень. X в. Из мастерских на Подоле. Киев

34

широкого ареала славянских культур. В частности, о традиционных связях с Подунавьем и Моравией свидетельствует находка каменной формы для отливки моравского височного кольца белобродского типа; на пригородном киевском поселении Монастырек обнаружены серьги моравского «нитранского» типа со щитком в форме лунницы. Существенно, что металл этих серег по составу сходен с металлом других киевских изделий: возможно, и сырье для них поступало из Моравии (ср. рассказ летописи о планах князя Святослава создать столицу Руси на Дунае, куда должны были стекаться все богатства, в том числе серебро из Чехии).

Наряду с украшениями общеславянского типа существенной составной частью культуры правящего слоя формирующегося древнерусского государства являлись вещи скандинавские, относящиеся как к мужскому, так и к женскому убору. Так, в киевской дружинной камерной гробнице № 112 найдены моравские подвески с зернью, сочетающиеся в женском уборе со

скандинавской серебряной фибулой, на массивное кольцо которой были надеты три бусины с прикрепленными золотыми штифтами и круглыми накладными золотыми щитками.

Еще одним компонентом дружинной культуры были предметы с мотивами восточного происхождения. В киевской мастерской X в., остатки которой были открыты на Подоле, по степной моде изготавливалась ременная гарнитура для киевских дружинников, на одной из формочек для литья поясных бляшек обнаружена фрагмент надписи (?) [ил. 35].

Характерной деталью русского дружинного костюма, которая производилась, судя по найденным литейным формочкам, в Киеве, были шаровидные пуговицы с петлей: бронза с повышенным содержанием сурьмы, висмута и др. использовалась и для производства украшений пояса и узды. Киевские литейные формы сосредоточены в мастерской ювелира рубежа X и XI вв., открытой раскопками 1981 г. на Старокиевской горе. Мастерская могла иметь отношение к комплексу строений княжеского двора (остатки каменного сооружения рядом интерпретируют как дворец княгини Ольги [33]).

Изделия киевских ювелиров постоянно встречаются в составе инвентаря дружинных курганов обширного региона, включавшего помимо киевского Правобережья черниговское (северянское) Левобережье, т.е. те земли, которые подчинил, обосновавшись в Киеве со своими варягами и словенами, Олег. Эта территория в Среднем Поднепровье, с которой до прихода Олега брали дань хазары и которая стала именоваться в летописи Русской землей была доменом киевского князя. Судя по материалам погребений, во всем этом ареале распространилась единая дружинная культура.

Наиболее показательными комплексами, характеризующими древнерусский дружинный костюм и ювелирное искусство середины X в., являются киевские камерные гробницы с женскими погребениями. Комплекс из камерной гробницы № 124 включает: парные скандинавские скорлупообразные фибулы (продолжается германская традиция ношения парных засте-

35

[33] Харламов, 1985.

жек); бронзовые, позолоченные, с прорезной литой накладкой («скорлупой») между пятью коническими выступами; пару славянских серебряных височных колец так называемого волынского типа с тремя полыми бусинами подвесками, украшенными зернью; ожерелье из разнообразных бус; серебряную подвеску и две серебряные византийские монеты с ушками для подвешивания. В состав ожерелья входил также бронзовый равноконечный крест. Комплекс камерной гробницы № 125 содержал также парные скорлупообразные фибулы; четыре серебряные и золотые провололочные серьги, на которые насажены бусы из горного хрусталя; ожерелье из стеклянных и пастовой бус, а также дирхем — привеску с ушком; наконец, два серебряных равноконечных креста с расширяющимися концами. Показательно, что оба погребения относятся ко времени правления княгини Ольги, совершившей с приближенными поездку в Константинополь, где княгиня приняла крещение при Константине VII (одна из монет в ожерелье из гробницы № 124 чеканена при этом императоре).

Сходные комплексы, инвентарь которых совмещает различные традиции, включая христианскую, известны на крупнейших древнерусских поселениях, в узловых пунктах коммуникации, где стояли дружины: в Гнёздове на Верхнем Днепре и Тимереве на Верхней Волге, во Пскове.

На пути «из варяг в греки» в Среднем Поднепровье — Русской земле — в X в. формируются единые тенденции в развитии культуры, в том числе связанные и с распространением христианства до официального крещения Руси при князе Владимире. Наряду с языческим трупопожжением господствующим в тот период, является обряд захоронения в могиле, головой на запад, иногда — с нагрудными крестами и немногочисленным инвентарем, включающим простые провололочные височные кольца и т.п. Богатейшими комплексами остаются дружинные погребения с набором вооружения, иногда со взнузданным конем в ногах и рабыней, погребенной рядом с господином, с богатым инвентарем. Во второй половине X в. такие погребения могли содержать как кремнированные останки, так и захоронения, совершенные по обряду ингумации (в камерных гробницах под курганами). В составе древнерусского дружинного некрополя X в. выделяются так называемые большие курганы, со специфической обрядностью и инвентарем. Их насыпи, достигающие 10 м в высоту, насыпались в два приема: первичную земляную насыпь покрывала «глиняная шапка», позволяющая ей не расползаться и сохранять полусферическую форму. Такие курганы (в том числе самые большие — Черная могила и Гульбище) известны в Чернигове и в Гнёздове, в Киеве они не сохранились. Ближайшие им параллели известны в Швеции (в том числе в королевской усадьбе на Адельсё, рядом с главным шведским

пунктом на пути «из варяг в греки» — Биркой на оз. Меларен). Под большими курганами, как правило, обнаруживается сожжение в ладье, содержащее парное захоронение (воин с женщиной), остатки жертвоприношений коня и других животных, комплексов вооружения и пиршественного инвентаря.

Б.А. Рыбаков, исследовавший полевою документацию раскопок Черной могилы (1870-е гг.), предполагал, что погребальный костер там имел форму домовины — загробного жилища, но при разборке инвентаря были обнаружены крупные ладейные заклепки — ладья была помещена на погребальный костер прямоугольной формы, что соответствовало описанию сожжения в ладье, донесенному до нас в записке арабского автора Ибн Фадлана (920-е гг.), видевшего такой обряд в Болгаре.

Высота этого кургана около 11 м, диаметр основания около 40 м, окружность 125 м, ширина рва 7 м. На первоначальной песчаной подсыпке (высота 1–1,5 м, диаметр 10–15 м) был устроен погребальный костер. Судя по расположению вещей, Б.А. Рыбаков предположил, что на кострище было три покойника: взрослый воин, женщина (по правую руку от него) и юноша-воин (между ними), положенные головой на запад. На кострище по левую руку от старшего воина обнаружена гряда оружия, в том числе два меча второй половины X в.; рукоять одного из них с изогнутым вниз перекрестьем покрыта гравированным по позолоченному серебру узором из растительных завитков с петлевидным обрамлением. В процессе реставрации скипевшейся массы железных вещей выявлены обломки еще не менее трех мечей. Здесь же найдены сабля, копье (всего на кострище обнаружено десять наконечников копий), обрывки кольчуги (всего в Черной могиле найдены три кольчуги с декоративными каймами из медных колец в плетении), остатки деревянного щита с бронзовой обшивкой, прикрепленной железными заклепками. У ног воина были положены два взнузданных коня: найдены их кости, кольца от удила, две пары стремян округлой формы, два сфероконических шлема. К предметам вооружения относятся боевой топор, стрелы, вероятно, лежавшие в колчане (12 наконечников), от которого сохранились железные накладки, скандинавские однолезвийные боевые ножи-скрамасаксы. В восточной части кострища (в ногах покойников?) находились железный сосуд с пережженными костями барана, бронзовая жаровня с углем, бронзовый сосуд с бараньими астрагалами для игры в бабки. Западную часть кострища занимали железные оковки-обручи и дужки от деревянных ведер (около 12 ведер). К орудиям труда относятся скобель (в гряде оружия), долота; у ног женщины лежало 10 серпов, здесь же были кости быка или коровы, зерна злаков. Находки замка и ключей, возможно, связаны с языческим ри-

36 Ритуальный нож (скрамасакс) с маской бородатого воина. Серебро. X в. Гнёздово. Окрестности Смоленска

37

туалом «замыкания» покойника на месте погребения. Из женских вещей сохранились однобусинные височные кольца, обломки костяных гребней, глиняное пряслице, бронзовая и костяная проколки. Два глиняных горшка, изготовленных на гончарном круге, украшены линейным орнаментом. На кострище найдены также пять ножей, в том числе с костяными рукоятками; оселки; поясные кольца и бронзовые наконечники пояса; игральные кости; полусферические костяные фигурки для игры; бронзовая бочковидная гирия. Золотая византийская монета 945–959 гг. из кострища позволяет отнести сооружение кургана к 960-м гг.

По завершении трупосожжения с кострища извлекли оба шлема, кольчуги с прикипевшими к ним костями, два боевых ножа-скрамасакса. Затем возвели насыпь высотой около 7 м, на вершине которой сложили останки покойных вместе с доспехами, снятыми с кострища. К ним присоединили два рога-ритона, бронзовую статуэтку скандинавского сидячего божка [ил. 38], железный котел, наполненный остатками поминального пира — пережженными бараньими (или козыими) и птичьими костями, поверх которых лежал череп барана. Вслед за совершением тризны курганный насыпь досыпали до высоты 11 м. Сходный обряд тризны с ритуальным котлом известен в больших скандинавских курганах Гнёздова и в соседнем с Черной могилой кургане Гутьбище, погребении древнерусского воина, где помимо меча находился набор оружия (сохранились костяные накладки на лук, орнаментированные в скандинавском стиле). В Гнёздове в комплекс с котлом, содержащим шкуру и кости козла (или барана), входил ритуаль-

ный нож с серебряной маской бородатого человека [ил. 36, 37].

Символика обряда проявляется благодаря памятникам древнескандинавской письменности. В «Старшей Эдде» Тор способен варить в котле козлов, запряженных в его колесницу, сохраняя шкуру и кости, тогда козлы воскресают (статуэтка сидячего божка, держащего себя за бороду, из Черной могилы и бородатая маска из Гнёздова, видимо, изображают громовержца: борода — его характерный атрибут); сходный котел упомянут в описании скандинавского воинского рая — Вальхаллы: там в пиршественной зале варилось мясо «воскресающего» вепря, предназначенного для загробной дружины главы скандинавского пантеона — Одина. Дружина проводила время в сражениях и пирах, но убитые воскресали вновь для участия в пире. Пир — характерная черта как скандинавского, так и древнерусского дружинного быта: не случайно большие курганы содержали ритуальные котлы, пища в которых, как считалось, никогда не кончалась, и пиршественные наборы (ритоны и т.п.). Первичная насыпь Черной могилы с котлом и доспехами на ее вершине олицетворяла загробное жилище, подобное Вальхалле, чьи стены украшали доспехи.

Традиционно большие курганы приписываются древнерусским князьям. Действительно, в Древней Руси правил княжеский «русский род» скандинавского происхождения, и представители этого рода должны были контролировать основные торговые пути, прежде всего путь из варяг в греки. Самым крупным торговым ремесленным центром Руси на этом пути было Гнёздово. Гнёздовское поселение на Днепре в 12 км южнее Смоленска было образовано на месте перехода из волховской водной системы в днепровскую, на пути из Скандинавии и Новгорода в Киев и Царьград [34]. Поселение состояло из городища, селища и восьми курганных групп. Гнёздово возникает к X в. и исчезает в начале XI в. Появление поселения увязывается с формированием осевой торговой магистрали Древнерусского государства, утверждением Олега в Киеве и установлением им дани с «верхних» земель кривичей (на территории которых располагались Гнёздово и Смоленск), словен и мери.

Изучение Гнёздова началось после обнаружения в 1867 г. богатогоклада серебряных украшений и нескольких монет. Раскопано более 5 000 кв.м площади поселений и около 1500 курганов, здесь найдено семь кладов X в., на территории селища было обнаружено не менее четырех кладов.

Центральную часть комплекса составляют городище (1,1 га), расположенное на левом берегу реки Свинец, и окружающее его селище (17,5 га) на обоих берегах ручья. Культурный слой изобилует черепками гончарной посуды, фрагменты лепной здесь немногочисленны. Найдено много бус, главным образом стеклян-

[34] См.: Путь из варяг, 1996.

ных византийских, бронзовые и серебряные украшения и детали костюма, бытовые вещи, орудия ремесла, предметы вооружения, византийские и арабские монеты VIII–X вв.

Большой Гнёздовский клад — случайный обнаруженный комплекс украшений и монетного серебра — включал 20 монет (византийскую, англосаксонскую, иранские — сасанидские, дирхемы и даже индийскую, превращенную в подвеску). По монетам клад датируется серединой X в. Украшения условно разделяются на древнерусские и привозные: к древнерусским относятся четыре шейные гривны, вытые из трех сдвоенных дров, с завязанными концами; 10 лунниц, больших и малых, с зернью, две зерновые подвески с напаянным полушариком в центре, две литые подвески с растительным орнаментом и фигурой человека меж двух птиц, литая поясная с растительным орнаментом пряжка, превращенная в подвеску, браслетообразные височные кольца с завязанными концами, 32 полые серебряные бусины со сканым орнаментом (индивидуальным для каждой бусины). К привозным вещам относят большую полую гривну с далеко заходящими друг за друга концами, завершающимися реберчатыми розетками; две бронзовые скандинавские скорлупообразные фибулы; две литые круглые скандинавские фибулы с плетеным орнаментом и четырьмя скульптурными фигурками оленей (к одной из фибул прикреплены ромбические подвески), 19 литых прорезных позолоченных подвесок в скандинавском зверином стиле, литая маска — бородатое лицо под забралом [ил. с. 39], восемь круглых зерновых скандинавских подвесок, круглая подвеска с зерненым изображением двуглавого орла (контур выложен проволокой), две литые подвески или бляшки с крупной зернью, поясная фигурка божка (?) — прическа и одежда выполнены при помощи крупной зерни и грубой скани — дрововая шейная гривна, кованная на восемь граней. Оригинальна коробочка-капторга (реликварий), украшенная тремя скульптурными головками быков, зернью и бахромой из цепочек с ромбическими подвесками. Состав клада отражает многочисленные связи древнерусского ювелирного дела: предметы славянского и скандинавского происхождения (в том числе височные кольца и скорлупообразные фибулы) относятся к убору жителей Гнёздова, где славяне жили вместе с варягами. Византийская техника зерни и скани широко распространяется как у славян, прежде всего в Моравии, так и в Скандинавии. В состав ожерелий в Гнёздове включались и серебряные украшения пояса (и ременные наконечники) [ил. 45], имеющие, как правило, хазарское и волжско-болгарское происхождение. Наконец, реликварии-капторги были распространены у западных славян, в том числе в Моравии. Неясно, принадлежал ли клад

ювелиру, готовому использовать его как сырье (включая монеты), или вещи клада имели отношение к костюму одной из жителей Гнёздова, схожие наборы привесок характерны для ожерелий, открытых в гнёздовских погребениях.

Курганные группы расположены по обоим берегам Днепра. Курганы в большинстве высотой 1,0–1,5 м. Форма курганов — полусферическая, редко отмечены четырехугольные насыпи. Основным погребальным обрядом на этом городище — трупосожжение. Небольшую группу составляют ингумации в могильных ямах и камерах, иногда со специальными деревянными сооружениями внутри. Среди находок: предметы вооружения — стрелы, копья, топоры, мечи, скрамасаксы, шлемы, кольчуги; украшения и детали костюма — фибулы, подвески, височные кольца, стеклянные и каменные бусы, перстни, пряжки и поясные наборы и др.; бытовые предметы; языческие амулеты — гривны с подвесками-молоточками Тора, миниатюрные изображения оружия и др.; а также торговый инвентарь, византийские и арабские монеты. Несколько погребений было совершено, видимо, в ладьях — об этом говорят находки ладейных заклепок на кострищах. Из находок наибольшее значение имеет древнейшая русская надпись на корчаге из кургана Л-13 начала X в. (курган содержал сожжение в ладье).

О развитии в Гнёздове славянской культурной традиции свидетельствует главным образом керамика (в том числе близкая моравской гончарная посуда, распространяющаяся к середине X в.). В нескольких курганах с трупоположениями найдены височные перстнеобразные кольца, обряд и инвентарь этих курганов сходен со среднечеповскими. В культурном слое поселений отмечены отдельные находки балтских вещей. Найдены предметы скандинавского происхождения (ладейная фурнитура, железные гривны, некоторые типы фибул и другие украшения), западноевропейские мечи (со скандинавскими рукоятками), византийские стеклянные бусы, монеты и поливная посуда, богатая одежда. Прослеживаются моравские связи, об этом свидетельствуют тип височных колец, некоторые предметы вооружения, характер гончарной керамики.

Жизнедеятельность поселения во второй половине X в. активизируется, что отмечено ростом территории селища и числа курганов. На поселении несомненно существование местного ремесла, причем изготавливались и вещи скандинавских типов. Ювелирное ремесло характеризует комплекс из одной постройки: медная матрица для производства полусферических розеток, скорлупообразных фибул и др.; каменная литая форма для отливки височных колец «нитранского» типа, происходящего из Моравии, скандинавская привеска-амулет

- 38 Фигурка скандинавского божка. Бронза. X в. Из кургана «Черная могила». Чернигов
39 Малый питьевой рог (ритон) с оковкой по краю. Серебро, чеканка, чернение, золочение. X в. Из кургана «Черная могила»
40 Оковка малого рога

38

[35] См. общую характеристику ювелирного ремесла в Гнёздове: Ениосова, 1999.

39

40

41

- 41 Большой питьевой рог (ритон) с оковкой. Серебро, чеканка, чернение, золочение. X в. Курган «Черная могила»
 42 Сцена терзания. Оковка большого рога
 43 Стилизованный растительный орнамент. Оковка большого рога. Деталь
 44 Изображение воинов. Оковка большого рога

в виде валькирии, сделанная из листового серебра, и др. Найдены также фрагменты разъемных глиняных литейных форм для производства скандинавских скорлупообразных и трилистных фибул [35]. В Гнёздове обнаружено также свыше 900 металлических предметов для украшения ремней — конской узды и пояса: эти украшения производились в соответствии со скандинавскими и хазарскими (салтовскими) традициями, но преобладали украшения, характерные для Волжской Болгарии (свыше 500 образцов) [ил. 45].

В XI в., с развитием сети городов, Гнёздово теряет значение, превращаясь в небольшую крепость и, наконец, в деревню. Интернациональные традиции ремесла распространились в X в. со странствующими ремесленниками, видимо, входившими в так называемую служебную организацию, обслуживающую нужды древнерусской дружины. Им приписывают погребальные комплексы с наборами ювелирных инструментов, литейными формами и т.п. (в Лопине под Смоленском, Шестовице под Черниговом, Пересопнице на Волыни, Михайловском в Верхнем Поволжье) [36].

Среди множества предметов, найденных археологами на территориях расселения славянских племен в VI–X вв., выделяются вещи, отличающиеся особой нарядностью форм и богатством декоративных элементов, как орнаментальных, так и сюжетных. За малым

исключением среди них нет монументальных памятников, практически все упоминавшиеся выше произведения «художественных ремесел» относятся к искусству, или искусству так называемых малых форм. В убранстве предметов явно доминируют орнаментальные мотивы. Редкие сюжетные мотивы — зооморфные, в том числе формы скандинавского звериного стиля, «хватающий зверь» и т.п., и антропоморфные амулеты в виде валькирий, фигуры человека между двух птиц или животных — включены в орнаментальные композиции. Древнейшей в русском искусстве «сюжетной сценой» считаются изображения, украшающие оковку большого питьевого рога из жертвенного комплекса кургана Черная могила (ГИМ). Серебряные оковки (вокруг устья) рогов выполнены в технике чеканки, гравировки, золочения и черни. Растительный орнамент оковок — золоченые переплетенные пальметты на серебряном фоне — близок венгерскому декоративному стилю X в. [ил. 40, 43] [37]. Позолоченный фон, на котором прочеканены в плоском рельефе фигуры зверей и лучников, проработан и опущен пуансоном (как на серебряной посуде сасанидского происхождения) [38]. Ободок оковки ритона украшен десятью пальметтами с чернью, воспроизводящими мотивы поясных бляшек, — декоративный прием, характерный для хазарской парадной посуды.

[36] Енисова, Нефедов, 1999. С. 54–63.

[37] Растительный орнамент «венгерского стиля» на оковке одного из них находит аналогию в декоре так называемой сабли Карла Великого.

[38] Чаши из Афанасьевского клада на Каме (вторая половина VIII — первая половина IX в.).

42

43

44

45 Поясной набор с территории Волжской Болгарии. Бронза. Гнёздово. Окрестности Смоленска

45

На большом ритоне в технике чеканки, чернения, золочения представлена многочастная композиция, в центре которой находятся изображения двух грифонов, чьи сплетенные хвосты образуют форму, напоминающую пальметту. Мастер воспроизводит здесь схему геральдической композиции, сочетающей парные мотивы, — двух грифонов (сходный мотив имеется на зерновой подвеске из гнёздовского клада), двух лучников между двух птиц, двух терзающих друг друга чудовищ с хвостами, образующими пальметтовидный мотив [ил. 42]. Еще И.И. Толстой и Н.П. Кондаков отмечали, что такого рода изображения восходят к очень древним прототипам — выполнены в традициях «греко-восточного звериного стиля» [39].

Растительная плетенка связывает изображение грифона с соседними образами — зверя с оскаленной мордой и орла. Под лапами орла и грифона — изображения мелких животных: в них угадываются зайцы. Мотив терзания зайца хищной птицей традиционен для греко-восточного звериного стиля. В этой тяготею-

щей к орнаментализму и упорядоченности композиции обнаруживается характерная асимметрия: грифон «связан» с птицей с одной стороны и с хищным животным — с другой.

Между двумя птицами — петухом (домашней — земной) и орлом (небесным хищником) — располагаются лучники. На первый взгляд, птицы и являются их мишенями. «Мишени», однако, не поражены стрелами, напротив, три стрелы летят мимо, одна направлена в сторону стреляющего лучника [40]. У другого лучника, повернутого затылком к зрителю, волосы заплетены в косу. Многофигурные композиции, подобные изображению на оковке ритона, известны на близких по времени памятниках, в том числе на византийском сигнальном «роге Легеля». На нем византийский мастер в резьбе по кости воспроизводит традиционные для искусства Евразии сцены охоты — на оленя и льва; терзания — того же оленя хищной птицей; поединков между животными; хищной птицы между двух грифонов в центре композиции и др. Считается, что сюжетно эти мо-

[39] Русские древности в памятниках искусства, 1897. С. 14

[40] Б.А. Рыбаков нашел параллель мотиву поражения лучника своими же стрелами, в русском фольклоре (в былинах об Иване Годиновиче). Там Кощей, похищающий возлюбленную Ивана, стреляет во «врана», вещую птицу, но стрела попадает в самого злодея. Если воспринимать человеческие фигурки как изображение пары — мужчины и женщины, то можно бесконечно приумножать интерпретации мотива похищения и т.п. Исследователь предложил и античный «календарный» вариант интерпретации — похищение Аидом Персефоны (см.: Рыбаков, 1949. С. 47–50). Однако необъяснимым остается при первой интерпретации отсутствие в композиции главного героя — Ивана; кроме того, у лучника с косой нет стрел: может быть, выпущенная именно им стрела поражает другого лучника.

46

[41] Щеглова, 1997.
С. 246–257.

[42] Флерова, 2001. С. 98.

[43] Фоякова, 2003.
С. 45–48.

[44] К более раннему времени относится сасанидский серебряный ковш из подгорненских курганов (Подонье, VII в.), на котором сцены охоты (лучник, стреляющий во льва, борьба спешившегося героя с медведем) разделены мотивами деревьев. Музей-заповедник Танаис.

[45] Близкий изобразительный мотив охоты двух лучников на горного козла известен на петроглифах средневекового (тюркского) времени — писаница Жалтырак-Таша на Алтае. Включенный в композицию солярный знак указывает на небесную сферу; прически стрелков различаются. Но композиция в целом отличается от сцен на сосудах: охотники стреляют в одну, а не в разные стороны.

тивы передают в основном цирковые сцены. Ни функционально, ни стилистически сигнальный рог не может рассматриваться как прямая аналогия ритону из Черной могилы, но типологическое сходство отдельных изобразительных мотивов позволяет усматривать в нем возможный образец, неумело скопированный мастером эпохи князя Святослава [41].

Сцены стрельбы из лука — так называемые мотивы небесной охоты, восходящие, как считается, к «первобытным» евразийским космогоническим мифам об охотнике, преследующем небесного оленя, и т.п. — включены в изображения царской охоты в сасанидском искусстве, которое оказало сильнейшее влияние на искусство евразийской степи, в том числе Хазарии. Известные примеры — сцены охоты на льва на серебряном с позолотой ковше из Коцкого Городка (Ханты-Мансийский национальный округ), сцены охоты с пальметтами между ними на хазарском ковше из могильника Кип-III (Прииртышье) [42]. На коцком ковше

охотник с волосами, заплетенными в косу, борется с персонажем, волосы которого перехвачены лентой (по описанию внешности тюркского кагана китайским автором VI в. Сюань-Цзаном — его сопровождает знатный с заплетенными в косы волосами) [43]. Смысл противопоставления заключается в популярном у тюрков и хазар мифологическом мотиве «золотой ветви» — у кагана есть соправитель и соперник из знати, который убивает кагана, когда тот состарится и окажется не в состоянии править. Типологически ковш близок черниговскому ритону еще и потому, что композиция на ободе разделена пальметтами, выполненными в стиле салтовских поясных бляшек [44].

На черниговском ритоне волосы одного из двух лучников также заплетены в косу. Соответственно и здесь мотив стрельбы из лука трактуется не просто как сцена охоты, а как состязание. Другой лучник, очевидно, терпит поражение — стрела направлена ему в затылок [45] [ил. 44]. Вместе с тем мотив поединка известен искусству евразийской степи еще

в скифскую эпоху (лучники из Куль Оби) и имеет параллели в искусстве Ахеменидов (цилиндр из Национальной библиотеки, Париж). Можно сопоставить изображения двух центральных персонажей, различающихся прическами на пекторали IV в. до н.э. из Толстой могилы с изображением двух скифов — волосы одного из них заплетены в косу (Киев) [46]. Ближайшая параллель — мотивы хазарских поясных бляшек из погребения в бассейне реки Ингул: на пряжке (в центре) изображен бородатый старец с распущенными волосами, поддерживаемыми повязкой; на бляшках — юноши с волосами, собранными в пучок на затылке [47]. На упомянутой оковке из Гринёва объятия персонажей — с распущенными волосами и с косой являются символом «священного брака». Показательно, что на ахеменидском цилиндре, где представлен поединок «скифских» лучников, переходящий в рукопашный бой, в центре композиции изображено крылатое существо, которое обычно интерпретируется как символ «фарна» — царской харизмы. Значит, мотив поединка знаменует победу священного царя, вонзающего меч в своего врага.

Сцена поединка двух воинов, судя по всему, является символически значимым мотивом в искусстве Хазарии (в широком смысле, включая болгарские и другие параллели), несмотря на немногочисленность известных до сих пор композиций такого рода. В частности, на так называемом реликварии, найденном близ с. Маяки [48], изображен бой двух всадников: копьеносец поражает соперника, роняющего меч. В композицию включены изображения птицы (сокола?) над плечом победителя (ср. иранские представления о «фарне» в виде птицы) и змея за спиной терпящего поражение, — что важно для понимания символики сцены в целом. Этот «зооморфный код» также напоминает композицию черниговского ритона, где перед лучником с косой изображена хищная птица, за спиной же терпящего поражение — петух (земная домашняя птица). Универсальный космологический смысл подобных сюжетов — противопоставление и борьба небесного верха и земного низа — очевиден [49]. Однако композиция на ритоне выглядит более сложной.

Степная «хазарская» культура распространена была на левобережье Днепра с вольтышевских времен (VIII в.). Использование «хазарского» сюжета для оформления древнерусских княжеских ритуальных сосудов из Чернигова естественно: черниговская Северская земля издавна платила дань хазарам, черниговские князья получили в удел хазарские земли (Тмутаракань), наконец, первые русские князья вплоть до Ярослава Мудрого в XI в. претендовали на хазарский «имперский» титул кагана.

В костюме княжеских дружинников сосуществовали разные элементы, наряду с укра-

шениями скандинавского происхождения для мужского костюма были характерны хазарские пояса, украшения конской узда (в том числе личинами южносибирского — минусинского — происхождения), о чем свидетельствуют их находки в Новгороде и Гнёздове), кочевническая пика и др.; женский костюм наряду со скандинавскими скорлупообразными и иной формы фибулами мог включать славянские височные кольца и серьги, а также аналогичные изделия византийского происхождения. Показательно, что прямоугольные накладки на обоих ритонах, украшенные четырехугольными пальметтами, имеют аналогию в декоре пяти парных четырехугольных серебряных и золоченых застежек от кафтана из большого кургана Гульбище [ил. 46] (там же обнаружены салтовские бляшки и другие детали кочевнического пояса); схожие застежки были найдены в древнерусском Угличе на Верхней Волге, в Искоростене на Среднем Днепре и в других местах.

Можно полагать, что встречающиеся в укрепленных поселениях на пути из варяг в греки и волжском пути составные части убора отражают уже не синкретизм «варварской культуры», а синтез разных воздействий, свойственный складывающейся цивилизации [50].

Влияние скандинавских мотивов на формирующееся древнерусское изобразительное искусство осуществлялось также через восприятие форм антропоморфных амулетов и божеств скандинавского пантеона. Таковы упомянутые сидячий идол из Черной могилы, женские статуэтки «валькирий», обнаруженные на новгородском Рюриковом городище (литейная форма для отливки валькирии подобной привески найдена в Ладоге) и в Гнёздове.

Характерны также уникальные фигурки так называемого викинга, рельефные бронзовые отливки, сделанные, видимо, в одной литейной форме: одна из них была найдена на правобережье Днепра у г. Новый Быхов, другая — на Даугмальском городище в устье Западной Двины, на реках «Восточного пути», как в сагах именовалась Русь и Восточная Европа. Фигурки представляют собой шагающего борзатого воина с мечом на поясе, рукоять которого украшена узором скандинавского типа; левая рука воина вытянута вперед, а в правой, отведенной назад, он держит витое кольцо [ил. с. 39].

Точных аналогий бронзовым фигуркам в Скандинавии (и в других регионах) нет, но мотив воинов, несущих в руках кольца, характерен для скандинавского искусства, особенно для готландских памятных камней (стел). Культовые сюжеты композиций на них (датируемых — около 800–1000 гг.), передающие сцену триумфального входа в Вальхаллу (языческий воинский рай) павшего в битве воина с кольцом в руке, имеют прообразы в римском искусстве — изображения триумфаторов

[46] Мозолевский, 1979. С. 87.

[47] Боксий, Плетнева, 1988. С. 99–116.

[48] Плетнева, 2000. Рис. 124.

[49] Ср.: Флерова, 2001.

[50] См. материалы в каталоге выставки: Путь из варяг, 1996.

47, 48 Парадный топорик
(лицевая и оборотная
стороны). Сталь, листовое
серебро, набитое по
наводке, золочение.
Первая половина XI в. ГИМ

47

48

с венками. Героя встречает валькирия с питьевым рогом — изображения на стелах типологически близки литым фигуркам валькирий. В собственно скандинавской традиции, однако, кольца — сакральный предмет, символ нерушимой клятвенной связи («обручения») с вождем, в сценах вступления в Вальхаллу с владыкой этого воинского рая Одином: он собирает в своем загробном чертоге дружину павших в бою героев. Этот мотив, возможно, был воспринят в древней Руси. В договоре с греками 944 г. «некрещеная Русь полагають щиты своя и мече свое наги, *обруче* (курсив мой. — В.П.) свое и прочаа оружья, да кленутся о всемъ» [51].

Вместе с тем восточноевропейские фигурки так называемого викинга, помимо готландских аналогий, имеют в древнескандинавском искусстве более точные параллели и в стили-

стическом, и в хронологическом отношении. Аналогии мечу на поясе «викингов» обнаруживаются в изображениях на рунических камнях первой половины IX в. в Рёке (Швеция). В одну группу изобразительных сюжетов с ними входит рунический камень первой половины XI в. из Древлe (Уппланд, Швеция): их объединяет мотив главного героического деяния Сигурда, пронзающего мечом Грамом змея Фафнира. В центре композиции процветший крест, над которым и совершает свой подвиг Сигурд, а по сторонам верхней ветви — бегущий человек с протянутой левой рукой и кольцом в правой и женщина с питьевым рогом [52].

По легенде считалось, что персонаж с кольцом — это карлик Андвари, первый владеец золота Нифлунгов: коварный бог Локи вынудил его отдать все богатство, которое карлик спрятал в скале, включая и волшебное

[51] ПСРЛ, 1997. Т. 1. Стб. 53.

[52] *Düwel*, 2005. S. 417–118.

кольцо, которым Андвари особенно дорожил — оно, как и кольцо Одина Драупнир, могло возвратить карлику богатство. Андвари заклял свое богатство. Однако композиция на упомянутом руническом камне из Древле явно связана не с Андвари, а с самим Сигурдом — новым владельцем кольца и клада, которые он получил, пронзив мечом стерегущего их змея. «Викинг» также помимо кольца имеет на поясе атрибут Сигурда — меч [53].

Изображение женской фигуры, встречающей героя с ритонем в руках, известен не только в скандинавском изобразительном искусстве — на тех же готландских камнях, но и в эддической поэзии (и поэзии скальдов). «Вином валькирии вождя встречают» [54] — сцена, также относящаяся к явлению героя в Вальхаллу. Протянутые руки персонажа на руническом камне из Древле и «викингов» с Днепра и Даугавы как бы готовы принять кубок. Неслучайно фигурка из Нового Быхова обнаружена в погребении, возможно, в специальном ларце у левой руки погребенного — предполагалось, что амулет должен был служить «пропуском» в загробный рай.

Композиция встречи героя на руническом камне из Упланда и готландских камнях имеет аналогии в и скандинавском прикладном искусстве VI–IX вв.: это вотивные золотые пластинки с тисненым изображением встречающихся и обнимающихся пар, среди которых наиболее близки нашему сюжету сцены, где женщина держит в руке ветвь (но не ритон). Сцены передают сюжет сакрального брака (*hieros gamos*), один из универсальных мифоритуальных сюжетов, эпическим вариантом которого можно считать и брак героя (в том числе Сигурда) с валькирией. Ранним вариантом такой композиции оказывается сцена на золотом брактеате V в. из Викена (Норвегия), где держащая ветвь (или деревце) женщина стоит лицом к мужчине, держащему сзади кольцо. Герой на другой стороне брактеата изображен едущим на коне с копьем (?) и щитом (те же мотивы священного брака и всадника со щитом воспроизведены на упоминавшейся накладке на ножны меча из Гриневы); отдельные мотивы, представленные на брактеате и накладке, могут отражать некий эпический сюжет. В целом отдельные и, казалось бы, изолированные фигурки-амулеты (викинги и валькирии), обнаруженные на разных археологических памятниках Восточной Европы, вписываются, благодаря скандинавским аналогиям, в единую «сюжетную» схему.

Присутствие ветви или деревца в композиции «священного брака» напоминает о традиционном для многих народов Европы свадебном деревце. Правда, это деревце также воплощает мировую ось, как и процветший крест на камне из Древле, но мировое дерево становится центром большинства мифологических или эпических сюжетов в архаическую эпоху. Между тем женский персонаж на брактеате

держит в руке предмет, который должен был восприниматься как символ не менее значимый, чем кольцо в руке мужской фигуры. Можно предположить, что это — веретено, характерный атрибут божеств (духов) судьбы, скандинавских норн, дис и валькирий, каковой была Сигдрива (Брюнхильд) в эпическом сюжете о Вэльсунгах-Нибелунгах.

Еще одна проблема, которая объединяет амулеты с «Восточного пути» и рунический камень из Древле, связана с бытованием сюжетов и даже культовых предметов языческой эпохи в христианизированной Северной и Восточной Европе [55]. Эта проблема не сводится к механистически толкуемому феномену «двоеверия». Мотивы «Саги о Вэльсунгах», в первую очередь подвиги Сигурда, были популярны в христианском искусстве Скандинавии, в том числе в декоре норвежских церквей. Рунический камень из Древле, поставленный сыновьями в честь отца (как гласит надпись), также был христианским памятником, о чем свидетельствует его центральное изображение — крест. Очевидно, подвиги скандинавского языческого героя Сигурда не считались однозначно противоречащими новым представлениям у раннесредневековых христиан, как и подвиги

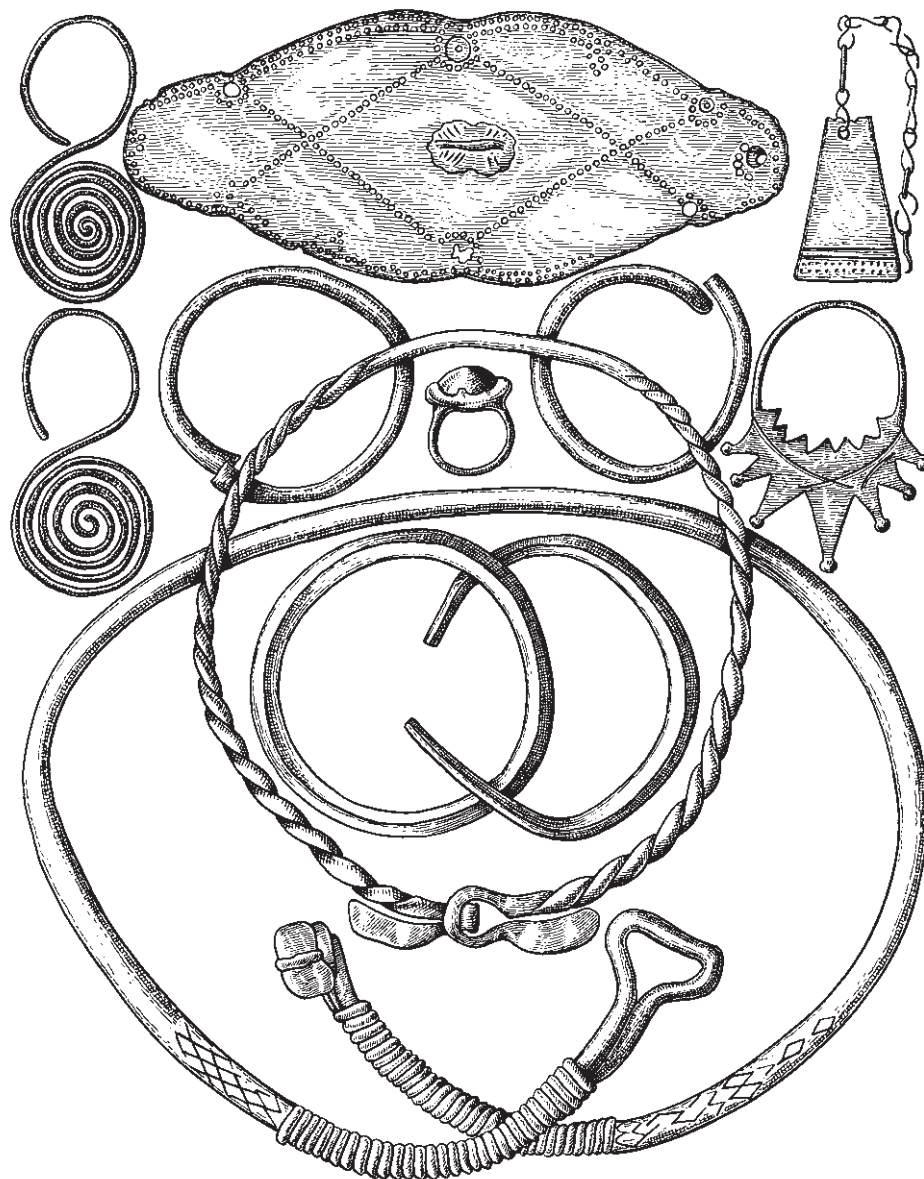

50

49

49 Рукоять меча. Бронза.
Первая половина XI в.
Из дер. Фощеватая.
Полтавская обл. Украина
50 Меч. Первая половина
XI в. Из дер. Фощеватая.
Полтавская обл. Украина
51 Предметы из
древнерусских кладов IX –
начала X в.: фибула, серьги,
браслеты, гривны, пер-
стень салтовского происхо-
ждения, височные кольца
(по кн.: Макарова Т.И.
Древняя Русь. Культура
и быти. М., 1997)

[53] Сцена встречи героя с кольцом и женщины с ритомом на руническом камне связана и с последующими деяниями Сигурда: он дважды овладевает валькирией Брюнхильд, во второй раз – приняв облик сватающегося к ней жениха, Гуннара. «Наутро [...] он дал Брюнхильд свадебный дар – то золотое кольцо, что Локи отнял у Андвари, а у нее взял на память другое кольцо» («Младшая Эдда»). В более поздней «Саге о Вёльсунгах» (гл. XXI), где кольцо Андвари оказывается уже не браслетом, а обручальным перстнем, Брюнхильд и Сигурд обмениваются кольцами и выпивают вместе кубок, чтобы герой запомнил этот день и познал тайные руны, – очевидно, эта сцена и изображена на руническом камне из Древлес.

[54] Речи Эйрика (см.: Младшая Эдда, 1970. С. 61).

[55] Христианские импульсы впитывала и синкретическая культура Даугмале.

[56] Петрухин, 1999. С. 43–46.

[57] Корзухина, 1976. С. 135–140.

ги в немецком искусстве – Зигфрида из рыцарской «Песни о Нибелунгах». Существенно при этом, что и новобыховский амулет, и сцены на руническом камне были связаны с погребальным культом, судьбой умершего. Сигурд не мог быть проводником в Вальхаллу – сам главный герой скандинавского эпоса должен был отправиться в преисподнюю, так как он не пал в битве, а был предательски убит. Но Сигурд достиг того, что более всего ценили скандинавы эпохи викингов, – посмертной славы, и его образ, как и фигурки викинга, стал символическим для этого времени крушения традиционных норм [56].

Распространенная в археологической литературе тенденция соотносить различные мотивы декоративного искусства с персонажами, известными по памятникам письменности разных традиций, не вполне оправдана.

51

Так, мотив с центральной антропоморфной фигурой, фланкируемой двумя птицами, – на декоре кресал из Прикамья и Киева, подвеске из владимирских курганов и Гнёздова, – соотносится со скандинавским мифом об Одине и его двух вестниках – воронах. Такой интерпретации соответствуют наверхи из Ладоги и другие предметы. Сам симметричный декоративный мотив человека между двух птиц (двух зверей и т.п.) относится, что существенно, к универсалиям (в частности, он известен в пальчатых фибулах) [57]. Бог Один в скандинавской традиции «асимметричен» – он крив на один глаз, и этот «маркирующий» признак должен учитываться при интерпретации антропоморфного персонажа.

С мотивами «Саги о Вёльсунгах» (которые стали средневековым «бродячим сюжетом», в том числе в немецкой «Песни о Нибелунгах»)

52 Збручский идол.
Камень. X в.
Археологический музей
г. Кракова. Польша

связан известный памятник древнерусского декоративного и кузнечного дела, датируемый первой половиной XI в., — это так называемый топорик Андрея Боголюбского. По форме топорик — восточный (вожско-болгарский?) чекан, на полях лезвия с одной стороны — распространенный мотив двух птиц у древа, с другой — скандинавский мотив дракона, пронзенного мечом: рисунки выполнены в технике плакировки медью и золотой наводкой [ил. 47, 48]. Очертания пронзенного дракона напоминают славянскую буквицу А; изображение собственно Сигурда отсутствует («языческий» сюжет теряет смысл).

Со скандинавской традицией художественного литья связан другой топорик, обнаруженный в Ладоге: стальное лезвие украшено с обеих сторон литыми в высоком рельефе фигурами зверей, изображенных в движении, на обухе — грифоны, на тыльной стороне обуха — скульптурная фигурка шагающего зверя (не сохранился рисунок). К образцам древнерусского парадного оружия, декор которого выполнен под влиянием скандинавского ювелирного искусства, относится меч из Фощеватой (Полтавская обл.), первая половина XI в.; его клинок выкован в соответствии с западно-европейскими (франкскими) образцами и снабжен кириллическим клеймом «Людота коваль», бронзовая рукоять же украшена плетеным орнаментом скандинавского типа, повторяющим мотивы, характерные не для оружейного декора, и для женских скорлупообразных фибул [ил. 49, 50]. В одной из киевских камерных гробниц (№ 108) обнаружен меч, рукоять которого украшена растительными побегами, выполненными чеканкой в стиле, близком к стилю малого ритона из Черной могилы.

Растительный побег, «лотос» и пальметты — доминирующие орнаментальные мотивы в искусстве степняков. Использование единого стиля для украшения как оружия и ременной гарнитуры (характерной для дружинных комплексов Среднего Поднепровья), так и парадной посуды позволяет говорить о складывании в X в. определенной художественной традиции с центрами в Киеве и Чернигове [58]. Изделия среднеднепровских мастеров распространялись повсюду, где стояла русская дружина, в том числе в Гнёздове и Ладоге [59]. В украшениях поясов и сбруи для воинов-дружинников В.В. Мурашёва выделяет влияние степных черт — венгерской, вожско-болгарской, хазарской — и скандинавской традиций [60].

Иной аспект рассмотрения тенденций развития декоративно-прикладного искусства второй половины IX — начала XI в. был исследован Г.Ф. Корзухиной. На основании анализа древнерусских кладов она выделила два периода эволюции парадного убора и декоративно-прикладного искусства в целом. Первый период относится к IX — началу X в. Клады этого времени, сосредоточенные в основном

в лесостепи, включают «тяжелые», кованные из серебряных дротов гривны, браслеты, реплики-интерпретации старых украшений, в том числе «антропоморфных» фибул, спиральные и семилучевые височные кольца, перстни салтовского происхождения и т.п. [61] [ил. 51].

Второй период начинается с середины X в. Распространение получают «легкие», из листового серебра украшения с тиснением, зернью, образующей геометрический орнамент из рядов треугольников, ромбов и т.п. Ярким примером воплощения этой традиции является упомянутый ранее большой гнёздовский клад. Ее истоки усматриваются в ремесле Великой Моравии, она характерна для всего славянского ареала, включая Чехию и Польшу. Возможно, при посредстве Руси она распространилась в Скандинавии и Вожской Болгарии. На Руси центром производства изделий, украшенных зернью, могла быть Волынь. В некрополе древнерусского города Пересопница обнаружено погребение ювелира со штампами для тиснения серебряных изделий, в том числе «волинских» серег, зерненных лунниц и полых бус. Изделия сходного типа были найдены в инвентаре соседних курганов, а близкие по характеру предметы — в волинских кладах. Предполагают, что вещи, изготовленные с использованием сложных технологий — зерни, тиснения для полых украшений, — производились в княжеских мастерских. В состав ожерелий входили многочисленные стеклянные бусины, как привозные (ближневосточные), так и местного производства. Одна из таких древнейших мастерских находилась в Ладоге. В киевских мастерских, очевидно, изготавливались литые пуговицы, мода на которые распространилась в Среднем Поднепровье. Для производства пуговиц и поясных наборов использовалась медь, легированная оловом и свинцом.

В декоративно-прикладном и изобразительном искусстве Руси IX — начала XI в. мастера синтезировали разные импульсы, поступавшие как с севера, так и с востока — из Хазарии, Ирана, Арабского халифата [62] и из Византии и Моравии.

* * *

Нельзя сказать, что после крещения Руси в 988 г. традиции «языческого» искусства полностью изживаются. В связи с рассказом о выборе веры князем Владимиром под 980 г. «Повесть временных лет» перечисляет идолов, установленных князем на холме возле теремного дворца: кумиры были из дерева, список богов возглавлял Перун с серебряной головой и золотыми усами, затем следовали Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргл и Мокошь. Это летописное описание языческого капища в целом совпадает с рассказом очевидца — Ибн Фадла-

[58] Орлов, 1984. На стилистическую близость изделий среднеднепровских мастеров указывал В.М. Василенко.

[59] Поясные наборы получили некоторое распространение и в сельской среде.

[60] Мурашёва, 2000; Макаров, Меснякина, 2004. С. 208–211.

[61] Корзухина, 1954.

[62] См.: Даркевич, 1976. С. 167–175; Лелеков, 1978.

на — о приношениях идолам у русских купцов в 920-е гг. в Болгаре на Волге: как только корабли прибывают к пристани, русы несут хлеб, мясо, лук, молоко и набиз (алкогольный напиток) к «длинному, воткнутому в землю бревну, у которого имеется лицо, похожее на лицо человека, а вокруг него маленькие изображения, а позади этих изображений длинные бревна, воткнутые в землю». Купец обращается к идолам, изображающим главного бога, его жен и детей, с просьбой о помощи в торговле. Если торговля идет успешно, он приносит в жертву овец и коров, развешивая черепа на бревнах, воткнутых возле идолов.

В большей мере это описание напоминает о деревянных статуэтках «божков», обнаруженных в Ладого: одна из них сохранила штырь для того, чтобы ее можно было воткнуть в землю или подставку. Аналогичны им новгородские деревянные жезлы с личинами — скульптурными человеческими головками, древнейшая из которых происходит из дохристианского слоя X в. [ил. 53]. Однако традиция изготовления таких жезлов продолжается в Новгороде в христианский период вплоть до XIII в., поэтому их условно именуют домовыми (низшими духами) — ибо культ богов не мог сохраняться

53

в христианском городе [63]. Более монументальным, требовавшим иных жертвоприношений было капище, устроенное Владимиром в Киеве. Летописец свидетельствует, перефразируя библейский текст, что в жертву богам киевляне приносили своих «сыновей и дочерей».

Давно замечено, что пантеон Владимира включал не только славянских богов: имена Хорса и Семаргла имеют иранское происхождение. Это неудивительно. Контакты с иранцами восходили к праславянской эпохе, ираноязычное (аланское) население было частью населения Хазарии и лесостепи в Северной земле. После разгрома Святославом каганата в 960-е гг. оно оказалось в числе подданных

русских князей. Характерно отсутствие в пантеоне скандинавских божеств: Владимир был в конфликте с варягами, требовавшими от него откупа с захваченного им Киева, и потому отправил их в Царьград. Кроме того, жившие в Киеве варяги были христианами, крестившимися в Греции. В целом же пантеон, синтезировавший разные этнические традиции, отражал синкретизм, свойственный догосударственному «языческому» искусству. Он представлял при этом некую мифологическую систему, которая, при отсутствии записанных славянских мифов, восстанавливается преимущественно благодаря интерпретации имен богов [64].

К более раннему времени, чем капище, сооруженное Владимиром, относили раскопанный В.В. Хвойкой киевский «жертвенник» с четырьмя выступами, уже упоминавшийся ранее. Он приписывался то Перуну, то Святовиту (балтийско-славянскому четырехглавому божеству, которому поклонялись в Арконе на Рюгене). Открытие в 1975 г. в черте «города Владимира» другого «загадочного сооружения» [65] (фрагментов кладки из плинфы, использовавшейся для церковного строительства в домонгольскую эпоху, рва с шестью или семью выступами-«лепестками» и ямы с прослойками золы и костями крупного рогатого скота) позволило высказать предположение о том, что это был целый «комплекс» языческих святилищ. Значит, археологами могло быть открыто то самое капище Владимира, где он поставил статуи шести языческих богов, главному из которых — Перуну — приносили в жертву быков, как об этом свидетельствовал еще Прокопий Кесарийский. Капище было уничтожено после принятия христианства, на его месте или рядом построена церковь [66].

Но, в отличие от не имеющего определенной датировки киевского «жертвенника», дата рва с выступами относительно ясна — его прорезает могила конца X в., а заполняющий его строительный мусор свидетельствует о том, что неподалеку строилась (или была разрушена) церковь. Анализ и сопоставление памятников славянского язычества, позволили предположить, что «столп» из раскопок Хвойко — не более чем спрессованные следы заполнения позднейшей ямы, а все заполнение рва в «капище Владимира» может относиться к строительному мусору [67]. Недавно была уточнена датировка киевского «жертвенника» — обнаруженные при его исследовании гончарная керамика и стеклянные браслеты относятся к XI–XIII вв., т.е. к христианской эпохе, в заполнении «столпа» также обнаружены материалы X–XII вв.

Аналогичная ситуация связана с попытками интерпретации другого, не менее знаменитого в историографии памятника славянского язычества — святилища в Перыни. Поздние новгородские летописи XVII в., в соответст-

53 Личина. Верхняя часть жезла. Дерево. X в. Новгород. Деталь
54 Рукоять ножа. Дерево. X в. Новгород

54

[63] *Покровская*, 2004. С. 68–73. Рис. 1 на с. 76.

[64] При этом учрежденный Владимиром в Киеве пантеон едва ли мог представлять собой действенное средоточие религиозного культа, собрание богов с дифференцированными функциями. Действительно, судя по лингвистическим реконструкциям, основанным на значении теонимов, функции божеств этого синкретического пантеона дублировались и пересекались — Хорс и Дажьбог воплощали солнце, Дажьбог и Стрибог давали и «простирали» благо (бог — праславянское заимствование из иранского языка со значением «доля, благо» — ср. богатство, убожество и т.п.). Семаргл (Симаргл), если сопоставлять его с иранским Сэнмувром, вообще «выпадал» из высшего «божественного» уровня, будучи химерическим существом, собакой с птичьими крыльями, вестником богов, но не персонажем одного с ними ранга. Ср. иллюстративный материал в кн.: *Тревер*, 1937. Показательно вместе с тем, что Семаргл замыкает список мужских «божеств» — далее следует единственный женский персонаж пантеона, Мокошь, чье имя определенно связано с представлениями о плодородной влаге, «матери — сырой земле»; таким образом, не ходит себе объяснение и место «посредника» Семаргла между небесными богами и богиней земли. Летописный список богов, очевидно, не был конструкцией древнерусского книжника — летописные списки имен (этнонимов, антропонимов) вообще отличались особой точностью передачи традиции и особой структурой, когда список начинался с главного (обобщающего) персонажа во Владимирском пантеоне — с громовержца Перуна и т.д.

[65] Как предположительно определили его авторы раскопок (ср.: *Толочко, Боровский*, 1979. С. 3–10).

вии с общей тенденцией летописания того времени, увязывавшей название этого возвышенного урочища на берегу Волхова с Перуном, вдохновили исследователей на поиски здесь святилища, основанного Добрыней в 980 г., когда им был установлен культ Перуна в Новгороде. Открытие В.В. Седовым в 1951 г. фрагментов рва с ямой — местом «идола» — посередине, казалось бы, оправдало надежды археологов. Была предложена реконструкция общей конфигурации рва, на которую, возможно, повлияла интерпретация «лепестков» рва в киевском «капище Владимира». В плане святилища Перыни имеет форму восьмилепестковой розетки. Так или иначе, и восемь лепестков в Перыни, и четыре выступа «жертвенника» в Киеве, казалось, вполне соотносились с реконструируемым культом Перуна, включавшим символику числа *четыре*, с посвященным громовнику четвергом и т.п. [68].

Между тем сам автор раскопок В.В. Седов отметил сходство открытого им рва с ровиками, окружавшими насыпи славянских курганов [69]. Дальнейшие исследования В.Я. Конецкого показали [70], что расположение перынских «святилищ» на возвышенности соответствует традиционному размещению новгородских сопок, также окруженных рвами. В центре этих курганов прослеживаются остатки деревянных столбов, что, естественно, вызывало ассоциации с положением «идола» [71]. Почему были сnivelированы перынские сопки и было ли это связано с распространением христианства, — покажут дальнейшие исследо-

[66] Правда, выступов рва могло быть и пять, но и среди богов Владимира оказывался Семаргл, в интерпретации Б.А. Рыбакова — химерическое существо, собака-птица, «не заслуживавшая кумира» (*Рыбаков*, 1987. С. 430). Тогда становилось возможным, в соответствии с общей схемой Рыбакова, основанной на позднем (не ранее XII в.) поучении против язычников («Слово св. Григория»), интерпретировать жертвенник из раскопок В.В. Хвойко как более раннее капище «бога Рода», чей культ якобы предшествовал культу Перуна на Руси, и т.д.

[67] *Клейн*, 2004. С. 160 и сл.

[68] При продолжении раскопок в Перыни были обнаружены фрагменты еще двух подобных рвов, что не обескуражило Б.А. Рыбакова, который вновь применил свою схему и предположил, что первоначально святилище было посвящено Роду и двум рожаницам (духам судьбы в переводных греческих сочинени-

ях). Лишь летописный Добрыня в 980 г. заменил культ прежнего бога на княжеский культ Перуна.

[69] *Седов В.*, 1953.

[70] *Конечский*, 1995.

[71] Те же позднейшие летописные легенды, повествующие о Перыни как об обиталище «лютного чародея Перуна», рассказывают, как над телом утопленного бесами в реке Перуна язычники насыпали высокую могилу, которая через три дня провалилась в ад. Этот рассказ как раз отнесен к тому типу урочищ — сопкам, память о которых долго сохранялась в преданиях. Ср. сходную конструкцию «святилища» во Пскове, обнаруженного на языческом некрополе древнерусского города: ровик «святилища» имел также перемышку — вход — на юго-западе, что характерно для ровиков древнерусских курганов (*Лабутина*, 1989. С. 100–108).

[72] См.: *Васильев*, 1999. С. 297 и сл.

[73] См. из последних обзоров: *Slupecki*, 1994; *Петрухин* (в печати).

вания результатов раскопок. Следует только отметить, что древнерусское и праславянское слово Перынь, означающее «возвышенность, горная местность», несмотря на семантическую связь с именем самого громовержца Перуна и мифологическую соотнесенность с его местопребыванием на горе — небе, вовсе не означает того, что здесь было святилище. Напротив, «народная этимология» стала основанием для составителей позднейших летописных сводов XVII в., помещавших в Перыни святилище Перуна [72].

Проблема определения и интерпретации «культовых мест» — общая проблема археологии. Это относится не только к святилищам, «открытым» в Киеве и Новгороде, но и к языческим храмам, подробно описанным западноевропейскими хронистами в Арконе, в Старой Упсале и других местах. Несмотря на все усилия, более или менее очевидные следы этих культовых сооружений так и не обнаружены [73], хотя археологии хорошо известны многие тысячи памятников культа, дохристианского и раннехристианского. Многочисленные погребальные памятники — курганы, — повсеместно распространенные на Руси на протяжении почти всей домонгольской эпохи, являются свидетельством развитого погребального культа предков, характерного для племенных традиций.

Никакие культовые изображения — идолы и т.п. — на «святилищах» исследователями обнаружены не были. В Ганачевке и Звенигородке на местах предполагаемых святилищ объектом культового почитания мог быть камень, напоминающий антропоморфную стелу. Сам факт отсутствия надгробных сооружений, может быть, объясняется их специальным уничтожением, о чем свидетельствует летопись: принявший крещение в Корсуни (?) Владимир в 988 г. велел ниспровергнуть, изрубить или сжечь деревянные кумиры в Киеве, Перуна же волочить вниз к Днепру и спустить по реке к порогам — за пределы Русской земли. Эта акция сопровождалась плачем язычников, так что в историографии сложилось представление о соответствии ритуала поругания идола фольклорным календарным действиям, вроде символических похорон масленицы, купалы и т.п. календарных чучел, которые иногда выбрасывались в реку. Собственно текст «Повести временных лет», описывающий «проводы Перуна» в Киеве (равно как в Новгороде), восходит к византийскому образцу (описанному в «Хронике» Георгия Амартола) одному из источников русского летописания — ритуалу изгнания злодея Феврария (воплощение зимы — февраля) из Рима. Вместе с тем сами обстоятельства обнаружения редких языческих изваяний на Руси свидетельствуют о традиционности обряда низвержения их в реку. Это относится, прежде всего, к знаменитому Збручскому идолу, найденному в реке Збруч (приток Днест-

ра) в 1848 г., и менее известному каменному изваянию, обнаруженному при расчистке р. Шексны в округе древнерусского Белоозера.

Каменная статуя славянского божества, найденная в р. Збруч [ил. 52], — четырехгранный столб из серого известняка, высотой 2,67 м, на гранях верхней части которого в технике низкого рельефа изображены четыре фигуры божеств, увенчанные одной шапкой. Фигура на одной грани имеет женский облик, в руке она держит кольцо; в руке фигуры на другой грани — питьевой рог, на третьей — мужской персонаж с саблей у пояса — оружие, не характерное для древних славян, что позволяло усматривать в стилистике идола тюркское влияние, а у его ног изображение коня; фигура божества на четвертой грани лишена особых символов. Средний фриз образует изображение хоровода из двух женских и двух мужских фигур, держащихся за руки; нижний фриз несет изображения трех фигур, поддерживающих руками верхние ярусы. К свободной от изображений стороне нижнего фриза мог примыкать жертвенник. Идол олицетворял славянский пантеон: высших мужских и женских богов, воплощавших верхнюю (небесную) зону мира; среднюю, населенную людьми, зону и нижнюю — преисподнюю, с поддерживающими землю хтоническими существами. Высказывалось предположение о возможности идентификации Збручского идола с четырехглавым богом Святovitом, описания которого известны у западных славян. Б.А. Рыбаков, обративший внимание на фаллическую форму идола, подчеркнутую характерным завершением в виде шапки с опушкой, высказал предположение, что идол изображает древнерусского бога Рода [74].

Характерный мотив, связывающий Збручского идола с другими антропоморфными древнерусскими изображениями, — положение рук «высших» персонажей, одна из которых прижата к груди (держит ритон или кольцо), другая протянута к поясу. Сходную позу имеет найденная в Гнёздове маленькая фигурка, отлитая из свинца. Впрочем, та же поза характерна для раннетюркских монументальных каменных изваяний [75]. Збручский идол воплощал антропоцентричную модель мира раннесредневекового славянства, его «предтечами» в изобразительной традиции можно считать антские зооантропоморфные фибулы с осевой антропоморфной фигурой (мировой столп — мировое дерево и т.п.). Давно замечено, что и личный убор, начиная с античной эпохи, воплощал «космический» порядок, о чем говорит присутствие в этом уборе лунниц, символов, связанных с представлением о мировом древе. Характерное для средневековой эпохи представление о человеке как о «микрокосме», очевидно, было свойственно и славянам [76].

Место находки Збручского идола давно привлекало внимание исследователей,

и в 1960-е гг. было найдено «святилище», где мог стоять идол, — квадратный каменный фундамент на горе Богит. Специальной экспедицией были исследованы городища на реке Збруч, интерпретированные как языческие святилища эпохи «двоеверия» XI–XIII вв. [77]

Археологический контекст и датировка прочих находок каменных изваяний [78] неясны. Белозерский идол — гранитная стела высотой около 0,75 м — также имеет шапку, глаза; рот и подбородок намечены рельефом (НГОМЗ). Параллели монументальной каменной скульптуре известны в мелкой пластике, прежде всего — у балтийских славян, где обнаружены жезлы с изображением четырехликих (Волин) и трехликих (сопоставимых с Триглавом) персонажей и т.п., соотносимых с описаниями латинских миссионеров многоголовых идолов в западославянских храмах. В древнерусской пластике подобных изображений не обнаружено [79]. К культовой дохристианской скульптуре традиционно относятся деревянные «жезлы», венчаемые мужскими головками, которых сопоставляют с домовыми, но в фольклоре такие изображения домашних духов неизвестны. Антропоморфные фигурки венчали, впрочем, и рукояти бытовых предметов: такова бронзовая литая рукоять ножа из Новгорода (НГОМЗ) [ил. 54], венчаемая сидящим человеком в шапке с опушкой. Подбоченившуюся фигурку бородатого персонажа, венчающую жезл длиной 17 см (свинцово-оловянистый сплав, литье), традиционно считают изображением Перуна, хотя этот жезл обнаружен в слоях середины XII в. Вероятно, к завершавшим, венчавшим какой-то «жезл», относится и упомянутая литая фигурка из Гнёздова [80]. Употребление жезлов и даже оловянных прутьев известно древнерусским книжным памятникам, но лишь в контексте истязания христианских мучеников палачами — «жезельниками».

Отсутствие слоев развитой «языческой» культуры на Руси может быть связано с незавершенностью оформления языческого культа. Владимир вынужден был отказаться от своего синкретического пантеона через несколько лет после его утверждения в Киеве. Архаичные формы княжеского культа на Руси соответствовали племенным нормам языческого восточнославянского общества: княжеский погребальный культ должен был заменить культ предков — недаром Ольга заставила восставших в 845 г. древлян участвовать в похоронах убитого ими князя Игоря. Возведенный возле града древлян Искоростеня княжеский курган должен был воплощать власть киевского князя над Деревской землей (в покоренном Искоростене обнаружен архаический русский крест из листовидного серебра). Неслучайно Владимир воздвиг первую каменную церковь — Десятинную — прямо на дружинном некрополе: дружинные курганы сменил храм, служивший княжеской усыпальницей [81]. Уже сын

[74] Рыбаков, 1981. С. 460 и сл. Следует отметить, что «бог Род» не известен ни древнерусским источникам, ни русскому фольклору.

[75] Ср.: Мурашова, 2005; Шер, 1966.

[76] Ср.: Рыбаков 1981. С. 260 и сл.

[77] Русанова, Тимошук, 1990. Этот «языческий центр» и полемику вокруг его интерпретации целесообразно охарактеризовать в соответствующем хронологическом разделе.

[78] Их общую характеристику см.: Седов В., 1982. С. 261–268; Русанова, Тимошук, 1990. С. 11–15.

[79] Позднейшие аналогии в древнерусской каменной резьбе, в том числе четырехликая капитель из Боголюбова, едва ли могут быть причислены в духе представлений о древнерусском двоеверии к явлениям идеологического синкретизма (Вагнер, 1969. С. 92).

[80] Мурашова, 2005.

[81] См. результаты раскопок: Церква Богородиці Десятинна в Києві, 1996.

Владимира Ярослав Мудрый приказал в 1044 г. эксгумировать останки своих дядьев, убитых во время усобиц 970-х гг., крестить их (вопреки христианскому канону) и перезахоронить в Десятинной церкви.

Крещение Руси связано было не только и не столько с уничтожением капищ и низвержением кумиров. На рубеже X и XI вв. изменилась вся материальная культура, трансформировались и декоративно-прикладное искусство и погребальный обряд. Повсюду — в городах и на сельских кладбищах — исчезает трупосожжение: курганный обряд на селе еще сохраняется до конца XI в., но умерших уже хоронят под насыпью на поверхности земли, головой на запад; в городах распространяется обряд погребения в христианских могилах. Монументальные славянские погребальные памятники — сопки уже не возводятся, их сменяют невысокие «жалньники». Характерными предметами культа становятся не встречавшиеся ранее кресты из листового серебра, а литые кресты-тельники так называемого скандинавского типа (неточное обозначение связано с тем, что кресты такого типа с тремя шариками на концах распространяются в XI в. не только на Руси, но и в Скандинавии, сама их форма имеет византийское происхождение, производились они и в Киеве) [ил. 55]. Исчезает роскошное «языческое» убранство костюма, в том числе украшения в скандинавском стиле. Убор выглядит значительно беднее, чем в X в., некоторые элементы «языческого» убора при этом теряют свой семантический смысл. Так, серебряные зерненные скандинавские амулеты-привески — молоточки Тора были включены в ожерелье наряду с серебряными бусинами и крестом (в составе киевскогоклада XII в.). Формируется древнерусский поясной набор, элементы которого принимаются в Швецию и на Готланд [82]. Сохраняются традиционные славянские типы украшений — шейные гривны, височные кольца, различные привески. Мотивы византийского искусства начинают использоваться для декора традиционных славянских украшений: щиток пятилучевой серьги из древлянского Искоростеня украшен изображением птицы в византийском стиле [ил. 23]. В государственную эпоху наступает период нового расцвета декоративно-прикладного искусства как в древнерусском городе, так и в деревне, который иногда связывают с «двоеверием» и «языческой реакцией» на первый век христианизации [83].

55

[82] Михайлов, 2005. С.132–144. Древнерусская культура в целом начинает оказывать «обратное» воздействие на культуру средневековой Скандинавии (см.: Мельникова, Петрухин, Пушкина, 1984. С. 50–65).
[83] Рыбаков, 1987. С. 466 и сл.